А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1989 год.

1989 год.

1 января 86 г.

Вот и Новый год. М.С. выступал скучновато. Но главное – не обещал сладкой жизни. А истекший год можно было бы проанализировать и поинтересней.

В «Московских новостях» открытое письмо Горбачеву от Ульянова, Бакланова, Гельмана, Климова, Сагдеева, Гранина. Новый жанр. Письма Сталину и дорогому Никите Сергеевичу, а также Леониду Ильичу мы знаем. А это – позиция и требование. Напоминают, между прочим, что в те времена тех на руководящих постах всех степеней, кто проводил линию партии тяп-ляп, против собственных убеждений, с натугой, только по обязанности, – убирали, а то и расстреливали. А при перестройке таких терпим в подавляющем большинстве.

15 января 89 г.

Сегодня в газетах – списки кандидатов в народные депутаты от КПСС. Там моя фамилия. Для меня было большой неожиданностью увидеть себя в «предложениях», которые раздавались при регистрации участникам Пленума ЦК. Единственный из помощников Генсека – в этой сотне гарантированных кандидатов. На это обратили внимание. Более того – единственный из аппарата ЦК.

Это – подарок М.С., поощрение, награда… или как угодно. Потому что, как я могу реализовывать свое депутатство? Ни избирательного округа, ни избирателей, перед которыми ответственен, ни платформы для своих избирателей. Практически депутатские обязанности совпадают с обязанностями пассивного члена ЦК или даже просто коммуниста.

А М.С. придает этому значение. Дважды поздравлял меня. При мне «расписывал» по телефону Раисе Максимовне: мы, мол, Анатолия Сергеевича кандидатом сегодня сделали… Вот он передо мной стоит.

Я же не догадался даже поблагодарить и искренне не понимаю, зачем это мне. И ничего не испытываю, кроме какого-то неудобства, усиливаемого ощущением, что «100» назначенных Пленумом депутатов – это рудимент прошлого и я-то уж в качестве депутата – тем более.

В поте лица несколько дней, отозванный из отпуска, сочинял «трактат» для встречи М.С. с трехсторонней комиссией (Киссинджер, Жискар, Накасона, Рокфеллер), 40 страниц плюс справки. Самому нравится. Интересно, как он этим воспользуется…

На днях вечером был почти двухчасовой разговор с М.С. вдвоем. Ему явно хотелось просто пообщаться.

Спрашивает:

- Читал «Ленин в Цюрихе» Солженицына?
- Нет!
- А я вот прочел. Сильнейшая штука. Злобная, но талантливая.

И потом (непередаваемо на бумаге) ходил по кабинету, останавливался, жестикулировал, садился на стул, съежившись, согнувшись, изображая солженицынского Ленина. 47 лет… и ничего еще не сделано! Нервного, желчного… Со всеми – на раскол. Никого близко не подпускает. Инесса… Слушай: любовь настоящая показана… с 1908 по 1920 годы! Шутка! Помнишь Ульянова в шатровской «А дальше, а дальше»?..) к ее грудям прилипает. Тогда показалось кощунством. А сейчас прочел… А что? По-человечески… Вообще-то кого угодно из героя и великого можно показать обыкновенным… Но тут не карикатура. Ленина узнаешь…

Хотя (тут я встрял): одно и то же можно показать со знаком плюс и можно – со знаком минус.

- Да, да, - поддержал М.С. То, что для нас казалось хрестоматией, можно, оказывается, и с другого угла показать. И не будет враньем. Сильная вещь! Но Ленин в ней – разрушитель… И один против всех.

М.С. «изображал» его долго, артистично, эмоционально. Видно было, очень глубоко его задело.

Я потом пытался анализировать. Думаю, вот что. Он и раньше, всегда, восхищаясь Лениным, апеллируя к нему, все время держал его под рукой – не иконизировал. Главное качество видел в том, что тот был готов и мог не считаться ни с какими догмами – ради дела, ради успеха данной, реальной, конкретной революции.

А теперь он увидел еще и другое ленинское качество: он не считался с Россией. Россия для него была таким же полигоном для «дела», каким была бы Германия, США (куда он собирался с отчаяния уехать) и та же Швейцария, где он науськивал на революцию в 1916 году своих швейцарских подручных, не считаясь с очевидной нелепостью самой постановки вопроса о революции в Швейцарии.

Не случайно М.С. заговорил о спекуляциях, которые одно время пошли было гулять (и Шагинян «по простоте» занялась этим) – о еврейских предках Ленина. У Солженицына: «одна четверть русской крови»! Я, говорит, узнав об этом, потребовал все эти «данные» и спрятал в дальний сейф.

- … На людей это ох, как действует, - сказал М.С.

Несколько раз повторял: «одна четверть русской крови»…, стал вспоминать о еврейско-шведской ветви Ленина, с другой стороны – калмыцкой.

Тут, видно, тайна его снисходительности к Белову, Астафьеву, Алексееву, Распутину, Проскурину и к Бондареву – этой косно-черносотенной группы. Они за русского мужика «болеют», ужаснулись разорению русского народа, России. (А они-то уж Солженицына наизусть знают!). Отсюда и бочка, которую они катят не только на сталинское раскулачивание, но и на массовый террор гражданской войны, расправу с антоновцами, кронштадцами, цитируют на этот счет Троцкого, Свердлова и проч. «евреев»… И на Ленина уже подняли большой хвост! М.С. постоянно колеблется между классовостью Октября и «Россией». Недавний эпизод: в списке кандидатов в народные депутаты, разосланном Пленуму ЦК было больше 300 фамилий. ПБ отобрало сотню. Среди трехсот были и Бакланов, и Бондарев. М.С. благоволит Бакланову, хотел его оставить в «100». (Это мне Яковлев рассказывал, я был в отпуску, да и, видно, вопрос решался в «ореховой комнате»). Но его предупредили: Бакланова при тайном голосовании на Пленуме ЦК завалят. Тогда он снял и его, и Бондарева.

Вчера зашел я к Яковлеву. М.С. велел нам составить график его визитов за границу на 89 год (особый разговор)

А.Н.: Вы вот вчера с Иваном (Фроловым) ушли после разговора у М.С., а меня он задержал. Говорит: У-у-у! Эти шептуны… Ну, дождутся. Разделаюсь я с ними на выборах.

Я: Кого он имел в виду?

А.Н.: Ну, кого? Известно кого, своих «ближайших» коллег!

А между тем оставил «100» для тайного голосования. Впрочем, могли бы ведь там накидать не только Зайкову или Яковлеву (по разным причинам), но и самому М.С. Пленум ведь на 60-70 % - антиперестроечники или обиженные.

Разговор о графике был у М.С. в пятницу вечером: Яковлев, я, Фролов. М.С. начал с того, что зачитал нам шифровку КГБ из Праги: ненавидит там нашу перестройку люто всё это кодло, захватившее власть в 1968 году и обласканное Брежневым и К^{о}. Предрекают нам полный хаос и провал. А Яйеш- тряпка (первый секретарь ЦК КПЧ).

Недавно он был у Кастро. Тот ему крыл нашу перестройку, как предательство марксизма-ленинизма, революции, социализма, «друзей», как оппортунизм и ревизионизм худшей марки… И что у марксизма-ленинизма теперь главное убежище – это Куба. Они пойдут своим путем «до конца». (Интересно как, если мы им отрежем 5 млрд в год?).

М.С. поставил вопрос: ехать на Кубу или нет (не состоялось сразу после ООН из-за землетрясения в Армении).

Я произнес «речь» - в том смысле, что революцию «Борода» загубил, теперь страну губит – катится к полному завалу. В демагогии насчет ортодоксии марксизма-ленинизма и … «до конца» он, действительно, не остановится, т.е. это единственное, за что он может еще держаться, оберегая свой «революционный ореол». Но ореол этот уже миф… Никто с Кубой уже не считается в Латинской Америке, никакого примера она уже «не дает». Кубинский фактор сник. Разрыв? Но не мы ведь рвем. Если Кастро разорвет, то это не китайский вариант. Наоборот – он навредит только себе. А мы только выиграем, в том числе сэкономим свои 5 млрд.! Кто будет урчать? Да, будут: догматики и сектанты из «революционного» лагеря и из вымирающих КП, время которых прошло.

Ваш визит может оттянуть разрыв. Но он ничего не изменит. Потому, что 10 млрд., 20 млрд. мы дать им не можем. А больше они от нас ничего и не хотят. А раз не можем, значит мы ревизионисты и предатели, пошедшие на сговор с империализмом.

… Вообще в политике откладывать в расчете на то, что что-то само собой образуется в лучшую сторону, когда ясно, что это объективно невозможно, - не лучший подход. С тем же Афганистаном: год, полтора года назад было ясно, что кончится именно тем, чем кончается сейчас. А мы тянули, загубив еще миллиарды рублей, тысячи жизней афганцев и сотни своих ребят! Зачем! Вот тут М.С. разозлился…

Ему стал подпевать Фролов, ссылаясь на митрополита Питирима (его знакомого), который «учит терпению». Шутил!

М.С.: Ты, Анатолий, не прав. Надо ехать на Кубу. Нельзя нам открывать против себя еще один фронт, видишь, что в Чехословакии!.. А что в Румынии, у Ким Ир Сена, что Хоннеккер!

Я продолжал ворчать, но он, посчитав числа, назначил визит на Кубу 29 февраля.

<u>20 января 89 г.</u>

М.С. великолепно провел беседу с «трехсторонней комиссией», почти не воспользовавшись моим трактатом.

Накануне, 17-го вечером оставил меня после совещания с помощниками и опять (то перемещаясь по кабинету и жестикулируя передо мной, то садясь напротив на спинку кресла) излагал мне идею новой книги – О 1988-ом – переломном». На совещании изложил свой замысел «личной» предвыборной кампании (Украина, МГУ, Звездный городок – об НТР), распределил роли по подготовке выступлений.

Возвращаясь к «Трехсторонней комиссии», - идею сосуществования трактовал, как адаптацию капитализма и социализма друг к другу, а не только как реалистический подход к международной политике на уровне государств. Новое в нем!

В эти дни произошел такой эпизод. Звонит Яковлев: ты, мол, видел Особую папку с предложением Шеварнадзе после его поездки в Афганистан?

- Нет.
- Запроси… Не знаю, что делать. Опять сталкиваться с Э.А. и с самим М.С.? Уже не раз получал по ушам… Но совесть мучит.
- А что?
- Да, видишь, Наджибулла предложил план, - чтоб мы послали из Туркестана бригаду (3000-5000) для прорыва блокады Кандагара и обеспечения провода туда караванов с оружием…
- Он, что с ума сошел, или не понимает, что Наджиб расставляет ловушку, чтоб мы не уходили, чтоб столкнуть нас с американцами и со всем миром? Или – настолько слабохарактерен, что не в силах противостоять просьбам?
- Не знаю, что и делать…

- Саша, надо сказать М.С., надо предотвратить еще одно преступление. Это же еще и еще жизни наших ребят… на совершенно дохлое дело. Ради кого, ради чего? Все равно же пришли к тому, к чему знали, что придем еще год, полтора назад! Не сто́ит Наджибулла (а мы в сущности его шкуру спасаем, режим все равно не спасти) и десятка наших ребят, а тут пахнет сотнями, если не больше.

Не успели мы закончить этот разговор, принесли бумаги сверху – это Особая папка. Я тут же стал писать записку М.С. на тему: «Что мы делаем?! И в смысле жертв, и в смысле безнадежности? Мы же все равно уходим, и Наджиб не стоит того, чтобы нарушать Женевские соглашения. И добавил: сдается, что Э.А. либо поддался эмоциям, либо лично повязался перед Наджибуллой и решил распорядиться еще десятками жизней наших ребят.

Отправил записку тут же.

Через несколько минут М.С. звонит, не помню даже, по какому-то частному вопросу. Я был не в курсе. Он тут же подключает Яковлева. Вопрос быстро решается и Сашка говорит: «Михаил Сергеевич, не поднимается рука визировать насчет 56-ой штурмовой бригады».

- Какой бригады?

Я встреваю: «Михаил Сергеевич, я написал только что записку Вам на эту тему. Немыслимо с этим соглашаться».

М.С.: Подожди, подожди – какой бригады?

Мы наперебой объясняем ему, что Э.А. разослал по ПБ Особую папку, где соглашается с планом Наджиба…

М.С.: Он мне что-то говорил, просил согласия разослать, но о бригаде речи не было…

Подключает к селектору Шеварнадзе. И начинается с ходу перепалка: Яковлев-Шеварнадзе-Черняев. М.С. слушает, иногда делает замечания. И все больше в нашу с Яковлевым пользу. Со стороны Шеварнадзе льется детский лепет, причем, все больше валит на военных. Я его довольно грубо перебиваю: военные дали разработку техническую под политический план, с которым вы согласились. А план этот идет вразрез со всей нашей политикой, да и простым здравым смыслом, не говоря уже о жертвах, на которые вы обрекаете вновь наших ребят.

Э.А. злится: Вы там не были, вы не знаете, сколько мы там натворили за 10 лет?!

Я: Но зачем же еще усугублять преступления?! Какая логика? Наджибуллу все равно не спасем…

Э.А.: А вот он говорит, что если продержится после нашего ухода один год, он удержится и вообще…

Я: И Вы верите в это? И под это Вы готовы бросать в бой ребят и нарушать слово, данное в Женеве?!

М.С. начал нас разнимать. Меня урезонивать: мы, мол, не должны создавать впечатления бегства, «третий мир» внимательно за нами смотрит и т.д.

Ладно. Временно вас отключаю. Буду говорить с Кабулом (там Крючков). [Позвонил Моисееву, начальнику генерального штаба. Того не было на месте. Когда вернулся, сам позвонил мне. Я ему рассказал, зачем его искал Генеральный. Поделились мнениями и я понял, что новый начальник генштаба против этой авантюры].

На другой день М.С. ничего не сказал ни мне, ни Яковлеву. Э.А. уехал в Вену. М.С. провел «трехстороннюю комиссию», потом допоздна – Совет Обороны… А сегодня читаю шифр из Кабула: докладывают лично М.С. Крючков, Варенников, Зайков, Воронцов – «изыскали способ помочь Кандагару без всякой штурмовой бригады»

Вот так. Э.А., видно, воспримет это как пощечину. И поделом. Раз ты такой гуманист в Вене, и в ООН и вообще, думай, когда тебя «просят» пожертвовать еще человеческими жизнями. Ох, как глубоко в нас въелось «право» политики решать такие вопросы, не сомневаясь.

М.С. уже сказал, что мне с ним ехать в отпуск в Грузию (на Пицунду) с 25 февраля на две недели. Обдумаем, говорит, новую книгу на досуге.

21 января 89 г.

Сообщил для М.С. (письменно, он на московской конференции) о том, что редколлегия «Правды» осудила единоличную акцию своего шеф-редактора Афанасьева, опубликовавшего писателей Алексеева, Белова, Проскурина и К^{o} в защиту Бондарева, а Астафьев заявил, что его подпись поставлена без его ведома! Полезный для перестройки донос!

Толковый отчет Сахарова, Боннер и К^{o} об их поездке в Армению. Попросил, чтоб передали М.С.

22 января 89 г.

Прочел сам «Ленин в Цюрихе». Ну, что же, автор довольно объективен, если учесть его ненависть к «делу Ильича». Личностно Ленин узнаваем. Другое дело, что многие «большевистские ценности» теперь обесценены – последующим опытом превратились в свою противоположность с точки зрения общечеловеческих ценностей.

19 февраля 89 г.

Вчера написал для М.С. записку о состоянии идеологии (под впечатлением его встречи с рабочим классом 14.02. и передовой «Правды» по ее итогам). «Приложил» там идеологический отдел, Медведева, но и Фролова. О Фролове потом вычеркнул – будет похоже на донос, хотя его поведение уже просто нетерпимо.

Затем трижды или четырежды М.С. диктовал основные идеи к аграрному Пленуму. Настроен довольно решительно, особенно в свете очередных подвохов Лигачева (в Харькове): насчет укрепления колхозов и совхозов – в пику Генеральному. Потом обрадовался простой вещи: я съездил на несколько часов в Москву (6-го), привез блокноты – мои записи с заседаний ПБ и начал готовить материалы к книге: «Перестройка- испытание жизнью». Это он сам придумал. Сначала эту свою вторую книгу он хотел назвать «1988 год – год переломный». Я подхватил и направил в Серебряный бор, загодя Вебера, Ермонского и К^{o}. Завтра поеду к ним и к концу месяца надо будет сделать основу.

Завелся он на Пицунде с Сахаровым (из-за интервью «Фигаро»). Я начал отговаривать: не надо из Сахарова делать постоянную проблему… Он на меня набросился, зло… Продиктовал «Известиям», как надо приложить Сахарова. А в общем-то оказался в проигрыше. Хотя никто не знает, что это он все затеял.

«Впечатлительный» он, импульсивный. Нельзя в его положении.

Такой же эпизод с одним высоким американским чином, который бегал за секретаршей вокруг стола и поэтому Сенат его не хотел утверждать. Американец при этом что-то такое сказал: мол, «надо давить на Горбачева». И вот М.С. заставил в киевскую речь вставить ему отлуп. Я сопротивлялся. Он настоял. И только уже в Москве я его уговорил снять этот пассаж: не на его уровне надо полемизировать с разными антисоветчиками. Вот если политику будет менять Буш, тогда другое дело.

Много читал в Пицунде по вечерам. Какое обилие мыслей и талантов в России, когда свобода! Одно это уже - великое завоевание, которое навсегда войдет в историю, даже если с собственно перестройкой ничего не выйдет.

М.С. думает об этом. Не исключает провала. Хотя весь он – в страстном порыве… Его встреча с рабочими, его речи там – уровень нашей Великой Революции. Ленинский ораторский уровень. Но кто рядом! И это все видят. На встрече один московский фрезеровщик так напрямую и сказал: «Что же это получается, Михаил Сергеевич! Вы все на себя берете. И успехи и провалы перестройки. А другие? Что? Будут отсиживаться в креслах, пока не прочтем сообщение в газетах, что вас по возрасту и состоянию здоровья…»

Президиум собрания был весьма смущен. А М.С. покраснел. Но вышел из положения… В публикации этот эпизод отмечен только словами: «подсыпали мне рабочие и перцу, и соли!»

Вчера весь день пробыл на работе. Обработал его диктовку для введения в книгу. Еще несколько записей сделал. Прослышал, что звонил ему Наджибулла: просил восстановить воздушный мост к Кабулу и гнать оружие, а также производить бомбовые налеты с советской территории. Не знаю, что обещал М.С. Но потом мне из МИД'а сообщили, что дал поручение Варенникову – «проработать». МИД (Иванов, помощник Э.А.) спрашивает, как писать бумагу. Я ответил: дело ваше. Но я, как помощник Генсека, буду решительно протестовать.

8 марта 89 г.

Большую часть времени на этой неделе в Серебряном бору. Вчера почти закончили «Перестройка – испытание жизнью». Вторая книга Горбачева, составленная на 95 % из его слов, фраз, мыслей на ПБ, со мной наедине, «в узком составе», на закрытых совещаниях. Там он «обнажается» почти до конца. И она, если он согласится и не вычистит самые ядреные и яркие места, произведет еще большее впечатление в мире, чем первая.

Моя команда: Вебер, Ермонский, Антясов, Иванченко, несколько дней был Амбарцумов. И три женщины. Порядок работы: я диктую из своих блокнотов (надиктовал много в Пицунде), совместно располагаем материал по темам, каждый свое обрабатывает с точки зрения последовательности и некоторой литературности (хотя я строго слежу, чтоб не занимались отсебятиной и «стилистикой»). Потом я окончательно определяю порядок, придумываю «фонарики» и подзаголовки – и сплошняком редактирую, главным образом, воспроизводя его манеру там, где ребята стесняются.

Уже 400 страниц. Вчера посидел над заключением. Думаю, завтра закончим.

Звонил товарищ из Оргпартотдела. Спрашивает: нам надо подводить итоги участия кандидатов от КПСС в избирательной кампании, но по нашим сведениям, вы еще нигде не выступали. Собираетесь ли и где?

Я сказал, что не собираюсь. Он говорит, что тогда возможно на Пленуме придется сказать об этом. Наверно, я один такой. Я даже не назначил себе доверенных лиц. Но не хочу сдаваться перед формалистикой. Я рассматриваю свое кандидатство, как «премию» лично от Горбачева и не хочу играть в депутаты, потому что в этой моей должности – это нелепо.

2-ого марта было ПБ, готовили Пленум по аграрным вопросам. Члены аграрной комиссии ЦК (человек 40), которые были приглашены, довели М.С. (во главе с Никоновым и Лигачевым) до ярости. Он дал бой «колхозникам».

А Рыжков перешел уже «на личности» против Лигачева и Никонова. Ситуация была на грани скандала – раскола. М.С. дважды задавал «риторический вопрос»: может отменить Пленум вообще, может, мы вообще не готовы к новой аграрной политике?

11 марта 89 г.

Сегодня закончил для видеозаписи приветствие XVIII Съезду Итальянской компартии. Красиво получилось… как мне кажется.

М.С. все эти дни запирался в Ново-Огареве с Яковлевым, Медведевым и Болдиным, готовил аграрный доклад к Пленуму (после того ПБ). Сегодня я прочел. Сильно. Но история – прощание с прошлым, с коллективизацией – сильнее, чем новая аграрная политика. Не по сути. Суть революционная по форме выражения. Многословие… Нет яркости – той, которая есть в первой части, которую он фактически сам диктовал – начал еще в Пицунде. А здесь очень чувствуется воляпюк аппаратных заготовок.

Завтра собирает ПБ, чтоб «заслушать» замечания к своему тексту. Я его отговаривал: зачем? Формальность соблюдена, проекты доклада к Пленуму и концепция доклада

обсуждены на ПБ 2 марта. ПБ поручило Вам подготовить доклад «с учетом обсуждения». Зачем еще выслушивать кряхтение… и согласие сквозь зубы?!

- Нет! Потом, мол, скажут – действовал единолично…

Ну, ладно. Сам он (звонил утром сегодня) приравнивает значение этого Пленума к дискуссиям 1927-28 гг., когда «делался выбор»… Это правильно.

И еще. Наджибулла вопиет о помощи. Джелалабад осажден и вот-вот падет, дорога на Кабул будет открыта. Требует, чтоб мы наносили «бомбово-штурмовые удары» авиацией с советской территории. (БШУ!) Иначе, мол, все на днях рухнет.

Его, Наджибуллу, очень сильно и по-грузински страстно поддерживает гуманист и либерал Шеварнадзе, потянувший за собой Крючкова и Язова, который, впрочем, держится по-генеральски: толку, мол, от этих БШУ с военной точки зрения – никакого, скрыть от мира это не удастся, но если будет политическое решение – я военный человек!

В ответ на две панические телеграммы из Кабула М.С. вчера созвал ПБ прямо в Ново-Огареве, в 6 часов вечера. Меня не позвал: узкий круг. Пишу с «красочного» рассказа Яковлева.

Сначала М.С. поднял Язова. Тот без энтузиазма изложил вышеозначенную позицию. Потом Э.А. яростно стал доказывать, что «иначе нельзя, это – предательство, мы обещали, бросаем друзей… что скажут в третьем мире, Менгисту… два месяца Наджиб продержится, потом, может быть, и совсем устоит» и т.п. Его поддержал Крючков (на 75 %)

- Кто еще? – спрашивает М.С.

Молчание… Встает Чебриков и начинает тянуть резину, но «больше в правильном направлении», старается угадать, что думает Генсек (оценка А.Н.).

Опять молчание. Тогда М.С. Яковлеву: Ты?

А.Н., по его словам, не стал стесняться в выражениях.

- С военной точки зрения – пустой номер. И потом: где та самая 200 000 армия плюс ударная гвардия и проч., которыми нас потчевал Наджибулла, а также Крючков и Шеварнадзе?!

Войну я сам забыл (он фронтовик), но помню, что в обороне достаточно один к трем. И что же получается: моджахедов 15.000, а где армия режима? Они не хотят воевать… Так зачем же мы опять будем подставлять своих ребят для дохлого дела. Пакистанцы наши самолеты могут сбивать с F-16, не выходя из своего воздушного пространства.

Э.А. бросает реплику: Пакистан нагло нарушает Женевские соглашения.

А.Н.: Но мы-то не Пакистан. Мы с таким трудом завоевали международное доверие, начинаем что-то набирать за счет нового мышления. А этой акцией – все коту под хвост?!

И ради чего?! А потом: Наш народ начинает помаленьку приходить в себя от Афганистана. Приветствовал Громова на границе – последний солдат, воевавший на чужой земле… А мы?! Да еще в разгар предвыборной кампании. Или нам опять наплевать на свое общественное мнение, на свой народ?!

М.С.: Кто еще?

Слюньков: Я целиком поддерживаю то, что сказал Александр Николаевич.

Никонов: более пространно, но тоже против БШУ.

Медведев: более спокойно, но повторил аргументацию Яковлева.

Маслюков - тоже. Привел технические аргументы бессмысленности БШУ с точки зрения военной.

Рыжкова не было: он в Сибири. Лигачев в Праге.

Наконец, М.С. Красный, злой: «Я категорически против всяких этих БШУ или чего-либо подобного. И пока я Генсек, не допущу попрания слова, которое мы дали перед всем миром. Мы что – не знали, на что идем, когда решали выводить войска? Мы – что были уверены, что Наджибулла удержится? Или ставили на это ставку, хотя бы для себя – как условие того, что мы подписываем в Женеве?

И т.д.

Яковлев говорил, что он не может передать связно, какие именно аргументы приводил М.С. Потому, что это был эмоциональный взрыв, из которого следовало, что никакого другого ответа Наджибулла, кроме абсолютного отказа от БШУ, быть не может.

Тут же это ушло в Кабул.

А сегодня я уже читал ламентации Наджибуллы Воронцову.

Помимо того, что он из Кабула не уйдет и умрет здесь и т.п., он говорил уже на басах: мол, это будет (если режим «крахнет») удар и по авторитету Горбачева, опять же, что скажут в третьем мире. Но главное: если бы вы (русские) тогда, в 1979 году, не вошли, дело бы быстро закончилось. Победила бы одна из сторон. Ну, может быть, была при этом сотня убитых. Но вы вошли. И афганская проблема стала международной. И ответственность несем не мы одни, а мы с вами вместе. Но вы – умываете теперь руки.

Здесь он прав. Но почему наши люди, да и весь наш новый курс должен расплачиваться за то, что наделали 10 лет назад Громыко, Устинов и Андропов?!

Сейчас звонил Болдин: напоминает, что я единственный из кандидатов в депутаты от КПСС, который нигде не выступал и что вопрос на Пленуме может возникнуть. Плевать.

Книга «Перестройка – испытание жизнью» завершена. 400 страниц. Отправил М.С. 9 марта. Молчит. Заняться книгой ему, конечно, некогда. Но ее надо бы издать до Съезда Советов. К тому же год-то, которому она посвящена, отдаляется… События набегают и перехлестывают. Дачу в Серебряном бору «закрыли».

3 апреля 89 г.

Самолет в Лондон не улетел вóвремя из-за буйной метели. Вернулся домой. Прочитал в № 5 «Коммуниста» статью некоего Панарина «Диалектика гуманизма». Это – отмена макрсизма-ленинизма как идеологии! Как глубоко ушли семена М.С.'ова нового мышления и уже несут отдельные плоды. Надо обязательно заставить М.С. внимательно прочитать статью.

Не записывал важнейшие вещи от усталости. Последнюю неделю особенно тяжело себя чувствую.

Яковлев – о разговоре с М.С. по поводу «провокации» Зайкова с Ельциным… У меня тоже (при проработке английских материалов) зашел разговор.

М.С.: Хороший он человек, честный, беспокойный, под себя не тянет… Но не дано!

Я: … Не политический деятель.

М.С.: Не только это. Политическим деятелем становятся. Но должна быть основа – кувшин… Содержание его – наживное, а кувшин – от Бога. Вот я. Что я - изменился что ли с измальства? Нет. Каким был, таким и остался по сути…

Шахназаров говорил с ним. Что пора, мол, менять команду. Вот, говорит, мы – я, Черняев, другие. Всю жизнь – в писарях. А, наверно, что-то могли, если б своевременно нас подпустили к решениям. Михаил Сергеевич, не упустите время. Тянúте свежие силы, их много. Мы с Анатолием уже старые, нам осталось чуть-чуть, нас уже в «политики» не выведешь.

Осталось у него – беседа с Гросом (венгерский генсек), которая сама по себе, по-сущности, конец доктрины Брежнева. Грос сказал: распущу ПБ, пусть избирают новое, какое нужно сейчас стране. Шахназаров предложил потом (смехом) последовать его примеру…

М.С. возразил Шаху: С этим ЦК – нельзя. Этот ЦК не даст нужного ПБ.

Вся западная пресса и наши тоже в один голос: Горбачев сознательно «подставил» партбюрократию под удар избирателей. Кстати, об этом почти открытым текстом говорил Соловьев на ПБ по итогам выборов. Мол, партийцы Ленинграда жалуются, что ЦК их бросило на произвол судьбы. Эту «идею» поддержал в своем выступлении и Лигачев, который, кстати, фактически дал понять, что аграрную политику Горбачева. он считает «заявлениями», а не делом.

Вряд ли М.С. сознательно шел на то, чтоб показать «кто есть кто». Но дал резкую отповедь Лукьянову на ПБ, когда тот стал призывать всячески поддержать тех, кого провалили на выборах.

Они – рубил он слова - будут сидеть в своих креслах. Будут помыкать людьми как быдлом - до сих пор идут письма и видно они как с людьми обращаются, когда те идут в РК, ИК… Ничего не делают, чтоб навести порядок в снабжении… А ЦК их должно поддерживать и охранять! Ничего этого не будет! Выводы пусть делают из выборов. И пусть лучше работают…

М.С. мне и Яковлеву намекнул, что сам он тоже собирается «сделать выводы» из выборов…, особенно по Москве и Ленинграду.

При проводах Горбачева вчера в аэропорту… очень сильно схватились члены ПБ между собой – в отдалении от иностранных послов, которые наблюдали сцену с некоторым удивлением. В основном Горбачев – Зайков. Было видно, что разговор раскаленный. А когда самолет уже вырулил на полосу, я оказался в группе: Рыжков, Слюньков, Зайков, Бирюкова, Лукьянов. Премьер крыл Зайкова чуть ли не матом за то, до чего он довел Москву. Слюньков поддавал «со своего угла». Зайков кипятился…Но вообще все это выглядело более чем забавно! Высокие руководители страны собачатся по поводу того, что в одной молочной – только молоко, в другой – только сливки, в третьей – только кефир. А капуста будет навалом гнить на базах, а в магазинах ее не было и нет.

Я не очень ухватывал цепочку разговора. Видно, это было продолжением того, что началось при М.С. Но у Николая Ивановича рефреном шло: можете с Лигачевым предлагать что угодно. Я буду против, потому что это – тупик, катастрофа.

16 апреля 89 г.

С 3 по 7 апреля я был в Лондоне, моем любимом. Почему-то ни одна моя поездка за границу не оставляла столько впечатлений, сколько Лондон. Я был в нем уже пятый раз. И все то же.

О самом визите Горбачева. Все это «на лицо» в брошюре для Политиздата (о визите в Великобретанию), которую вчера, кажется, закончил редактировать, заполнив промежутки между текстами речей М.С. и Тэтчер. Корреспонденты, которые должны были поставить материал, работали из рук вон халтурно… И вся их пошлость и просто выдумки, вранье печаталась в наших газетах.

О главном: Мадам была великолепна. Три часа я сидел напротив нее в кабинете во время переговоров с М.С. Она стремилась его заговорить. Он это чувствовал и «играл» мужчину, который «производит впечатление».

Публично Тэтчер не жалела самых высоких слов и оценок в превосходной степени. И делала это смело, вызывающе и по отношению к своему истэблишменту, и по отношению к другим лидерам Запада, и к Бушу.

Она работала на большую политику, на историю, на себя. И если у М.С. все состоится – она и этим тоже войдет в будущее.

«Хитрость» ее – в русле нового мышления, которую он сам предложил: России некуда деваться. Она должна стать как все. И если это произойдет, исчезнет синдром Октября и Сталина в мировой политике. Мир действительно станет совсем иным.

Я убежден, что она искренне хочет нам добра. Ее амбиции и честолюбие совпадают с этим ее женским и человеческим позывом.

М.С. осторожничает. Боится, главным образом, своих. В самолете на обратном пути сказал: она так, а мы так (т.е. сдержанно)… Посмотрел на меня: Анатолий не согласен (присутствовали Шеварнадзе, Яковлев, Каменцев, Фролов и Раиса Максимовна).

Я: Конечно, не согласен. Во первых, несправедливо не реагировать на добро. А она делает нам добро: она подняла планку перестройки и Вашего авторитета так высоко, что Колю, Миттерану и даже Бушу срочно надо учиться высоко прыгать. Она фактически

перечеркнула волну пессимизма, которая начала накатываться на нашу перестройку – на что Вы сами обратили внимание, может быть, даже преувеличенное.

Во вторых, она влияет на большую политику с нашей позиции, т.е. она делает то, чего Вы сами хотите через свое новое мышление. Ее позиция по Намибии – ярчайшее доказательство. Никто так решительно не помогает Вам менять международную ситуацию. Зачем же делать вид, что Вы это мало цените. Кроме того, она женщина… и неправильно суждение, будто это мужик в юбке. Весь ее характер, вся ее даже политическая манера – женская. И это англичанка… Если она так искренне раскрывается, а ей не отвечают, сработает гордость… И мы много потеряем.

Эпизод в посольстве при доработке речи М.С. в Гилдхолле. Присутствовали все, кто оказался в резиденции после официального обеда на Даунинг-стрит (Шеварнадзе, Яковлев, Каменцев, Фалин, Ковалев, Ахромеев). Я окрысился сначала на Каменцева, который лез в то, что не понимает, потом на Ковалева, и, наконец, на Яковлева, что вызвало мини-шок. М.С. начал нас разнимать: вот, мол, плюрализм в действии и тут тоже. Обошлось. И в общем-то, как оказалось, А.Н. был прав, требуя изъятия трех полемических страниц, которые были бы неуместны в «восторженной» (нет другого слова) аудитории британского истэблишмента – в Гилдхолле. В самолете я это признал и извинился перед А.Н. Он принял это «по-товарищески».

Встреча М.С. с Фогелем – еще одна ступень к ликвидации МКД.

На днях М.С. прочел реферат книги француженки Лили Марку «Вызов Горбачева». По телефону 20 минут восторгался – она его поняла лучше, чем в стране понимают, чем некоторые из окружения. Обнажила замыслы, которые у него действительно есть. Ничего (из десятков книг на эту тему) более глубокого и проницательного я, мол, не видел. Давай ей ответим. И тут же стал диктовать ответ. Но по поводу «замыслов», которые обнажила француженка, он вычеркнул.

Так вот насчет замыслов.

Прилетел из Лондона, а ему «подарки»: потонула новейшая подлодка и кровавые события в Грузии.

Ну, подлодка – это «в порядке вещей» нашей безалаберности и увы (!) непоследовательности самого М.С. Сказал «А» (в ООН), надо говорить «Б», а не заниматься игрушками такого типа.

Грузия – это судьба, вернее знак судьбы. Если христианский и любимый русскими народ, с которым более 200 лет жили душа в душу, вместе воевали и, действительно, уважали друг друга, хочет уйти из СССР, это что-то значит? Это уже не Прибалтика, где все понятно.

Значит, выбор: либо оккупация, и в общем-то опять «империя», либо федерация в духе конфедерации. Пленум в конце июня должен это решить.

Пока М.С. не готов к этому. И я не знаю: сам не готов или считает, что «не дадут». Но вот он решил 25.04. на Пленуме освободить ЦК от 83 членов – пенсионеров и т.п. Знают об этом пока человек 5… Эта акция будет иметь огромный моральный эффект (дело ведь не в способности этого балласта что-то завалить, тем более «отменить» самого М.С. – уже не в состоянии). Дело в том, что он покажет, кто хозяин положения. А через месяц он станет «президентом». И потом заняться теми самыми замыслами: делать Россию нормальной страной, пусть даже не шибко централизованной.

Мои дела. Чувствую, что изнашиваюсь. Нагрузки не снижаются. Но, кажется, еще справляюсь. В отношениях с М.С., мне показалось, появился какой-то элемент неопределенности. Может быть, момент привыкания сказывается, отсюда нет знаков «признания заслуг». Я не тщеславен, о чем написал, помнится, еще в дневнике войны – в 1943 году. Но ведь больше-то ничего нет в качестве «стимула». Получаю я меньше шахтера и шофера автобуса.

Он по-прежнему доверителен со мной. Говорит иногда вещи неожиданные. Например, о грузинском начальстве, которое наложило в штаны и пустило на народ войска.

По-другому, мол, они не мыслят руководства. Впрочем, пожалев погибших женщин, тут же сказал: «нет худа без добра!» Что имел в виду – загадка.

В нем прибавилось самоуверенности, хотя и не теряет иронично-здравого подхода. Например, на ПБ – о шифровках. Мол, знаю им цену: видят то, что им положено (в смысле КГБ – полицейские проблемы, дипломаты – свои амбиции, армейские – свои заботы), не анализируют картины в целом и будто хотят нас тут запугать. Ну, что же, каждому свое. Есть в этом и польза – чтоб мы тут в Москве не спали, не зевали.

Между прочим, на ПБ не было Лигачева… и совсем другая атмосфера. Делились с Яковлевым: дело не в том, что его боятся, но просто неприятно открыто, искренне говорить, как думаешь, когда видишь перед собой человека, считающего тебя предателем, врагом.

Со знаменитых статей Ципко (консультант Международного отдела ЦК, между прочим) полным ходом развернулся демонтаж ленинизма, во всяком случае марксизма-ленинизма. От Ленина пока устойчиво остается только период 1921-23 годов.

Журнал «Мировая экономика и международные отношения» под руководством Дилигенского систематически и открыто разрушает теорию империализма и ортодоксального революционного процесса. Теперь к этому присоединилась книга самого Примакова и Мартынова, которую «высоко» оценила «Правда» на днях. У М.С. до «ознакомления» с этим всерьез руки не доходят. Но когда он оглянется, в конце концов, окажется, что поле совсем расчищено для «новой теории» или для полного отказа от теории в идеологическом смысле.

23 апреля 89 г.

Прошлая неделя знаменательна заседанием ПБ, где обсуждался доклад Шеварнадзе о «командировке» в Грузию, о событиях 9 апреля в Тбилиси.

И вообще, куда ни кинь… страна в расхристанном положении. Страна больна. И гласность – как горячечный бред больного. Пока без признаков выздоровления…

Грузия напомнила, а обращение народных депутатов от Прибалтики сформулировало: Россия должна перестать быть империей. А кем, как она может стать? Кто в состоянии повести ее в другое (в этом смысле) состояние?

В «Неделе» - публикация Воронского (знаменитый литературный критик и редактор влиятельного журнала в 20 годах, троцкист, репрессирован). В «Огоньке» Радек и Троцкий – о Ленине, а еще раньше – Бухарин о Ленине. Читаешь это, написанное еще при жизни Ленина – и в каждой черточке узнаешь Горбачева… только у него это ниже ранжиром (образованице не то), но по складу ума, по натуре, по методологии политического действия, по принципу – у него, как и у тех, все идет от жизни. И если с теорией жизнь не совпадает, тем хуже для теории. Похоже и по нравственным замашкам, по отношению к людям. Поразительно!. Ведь Горбачев не играет под Ленина: он такой от природы!

30 апреля 89 г.

Пленум ЦК. Действительно небывалый. Немка, трактористка из Казахстана, член ЦК Геллерт рассказала о чем судачат ее коллеги перед Пленумом: «собираются, говорит, свергать Горбачева. Что делать?» На самом Пленуме – языки развязаны. Местные боссы почувствовали (после выборов), что пора мобилизоваться. Выступали нахально, развязно, даже с оскорбительными намеками в адрес М.С. Он тут же сориентировался: опубликовать «все до единой строчки», чтоб каждому видно было, кто есть что! Но боя настоящего им не дал, хотя и не уступил ни в чем, даже по СМИ, в отношении которых он подвержен колебаниям.

И никто из его настоящих сторонников не вступил с ходу в полемику. Почему? Думаю:

а) Нет практики…

б) Задавлены «фактами» негатива, которыми «те» оперировали…

в) Не уверены, что получат однозначную поддержку от М.С.

Сам он вчера сказал: «скоординированы» были выступления-то, как по писаному говорили, по кальке…

Сразу после Пленума он мне позвонил. Интересовался, как я воспринял. Я сказал, что правила бал «Нина Андреева», что если даже они за перестройку, то уровень их сознания не выше Нины и, конечно, с такими кадрами во главе обкомов перестройку не сделаешь.

Он крыл многих матом (Бобовикова, Мельникова из Коми), но никак передо мной не ангажировался. Сказал даже: что ж – как с Егорочевым[1] поступать в 1967 году – на другой день его не стало!

Думаю: надо. И народ это понял бы, - раз революцию делаем, не всюду демократия срабатывает.

Потом я написал ему «трактат» о Пленуме. Кое чем он воспользовался на ПБ в четверг по его итогам, но конкретные мои предложения – сокращать ЦК до 100 человек, покончить с «представительским» принципом, поднимать интеллектуальный уровень ЦК, приближая к ленинской модели 1918-22 годов. И предложил «что-то делать» с ленинградской организацией, с Соловьевым.

ПБ было «нерешительным», так как боялись выглядеть, отвергающими критику «снизу» – да еще от ЦК. Т.е. – находились под давлением тех же «негативных» итогов, как и члены Пленума – перестройщики. Близко подошел к разоблачению «андреевской» сути Пленума Шеварнадзе. Яковлев и Медведев были очень осторожны. Другие в основном (даже Рыжков) «стихийно» пошли в фарватере пленумной самокритики – надо, мол, сделать серьезные выводы…. И катили бочку на СМИ и неодиссидентов. Так что единственный позитив Пленума – убрали «стариков», пенсионеров. И позитив не потому, что они мешали делать перестройку – они уже за пределами политики, а до «вотума недоверия» (т.е. голосования) за устранение ПБ дело не может дойти (страхи эти напрасны). Позитив в том, что это – сигнал: М.С. имеет силу поступить и с активными противниками так же, если они встанут поперек его политики.

Вчера (в субботу) он собрал Рыжкова, Яковлева, Медведева, Маслюкова, Болдина, Лукьянова и помощников, чтобы определиться с подготовкой к Съезду народных депутатов. Неодиссиденты на Трубной площади уже выдвинули свой регламент и свою программу, обобщенную в статье Г. Попова в «Огоньке». Явно противопоставили ее «аппаратному» регламенту и замыслам Лукьянова, где действительно, далеко не все дыры и щели закрыты. А главное – с чем выступать главе государства. Обсуждали 6 часов. Из них один час заняла самодовольная болтовня Фролова. Тем не менее, М.С. больше всего ссылался на него, даже некоторые мои идеи приписал ему: магия звания академика (провинционализм), и к тому же любимого Раисой М. К Шахназарову, который уже очень много сделал для подготовки доклада, отношение потребительско-ироническое. Думаю, тут два обстоятельства: М.С.'у не нравится, что Шах то и дело предлагает ему очень похожее на то, что есть в «Огоньке» и «Московских новостях», но главное – не слишком вежливо откликается на всякие «просьбы» и «рекомендации» Р.М. Увы!

Думаю, что именно поэтому также М.С. подставил Шахназарову в качестве соратника Остроумова, который будет заниматься соцстранами.

Так что предстоит очень тяжелый месяц, тем более, что 5-го еще японец Уно, а потом – Бейкер.

2 мая 89 г.

Дочитываю «Циников» Мариенгофа. Великолепная проза. И сколько мы потеряли, что с ней покончил соцреализм, с десятками таких, как он. Но не в этом главное впечатление:

---

[1] *М.С. имеет в виду эпизод на Пленуме ЦК в брежневские времена. Первый секретарь московского горкома Егорычев, под впечатлением арабо-израильской войны, высказал осторожную критику состояния противовоздушной обороны Москвы. И тут же был снят со своего поста.*

тогда проницательные и талантливые люди видели и знали, и предвидели, что в России с социализмом ничего не выйдет. И недаром Ленин всех этих Бердяевых и Шестовых отправил за границу… Но тем самым он покончил и с марксизмом в России, потому что сам периода 1920-23 годов понял, что того марксизма, с которым шли к революции, в России быть не может, нужен новый – настоящий ленинизм 1923 года. Но его партия не поняла, не приняла, и постаралась быстро «закрыть» славословиями и иконой.

А вообще – тоска и тревога. Ощущение кризиса горбачевского периода. Он готов далеко пойти, но что это означает? Любимое его словечко – непредсказуемость.

А скорее всего развал государства и что-то похожее на хаос. Поэтому далеко ему мешает идти ощущение утраты рычагов власти… совсем. И он держится за привычные приемы, но – в бархатных перчатках. Ибо концепции «к чему идем» нет. Заклинания насчет «социалистических ценностей», «идеалов Октября»… как только он начинает их перечислять, звучат иронически в понимающих ушах – за ними ничего нет. Теперь «социалистическая защищенность». А что же сейчас такое, когда 22 млн. людей получают меньше 60 рублей?! Ну, и т.д. Он отбивается от демагогов, которые разрушают «ценности», не ведая (или ведая), что это вернет нас к тому, от чего ушли в 1917 году, т.е. к капитализму. Но мы ведь никуда не ушли, вернее ушли «в никуда» - и сами не знаем, в каком обществе живем.

Обсуждали Емельянова на том собрании у М.С. (29.04). Положили ему запись того, что он, будучи профессором МГУ, говорил, уже как депутат, студентам. В частности: перестройке 4 года – и ясно, что она не состоялась и лидеры ее исчерпали себя.

М.С.: Ну, и что с ним делать?

Медведев, Лукьянов, Яковлев: Работать с ним…

А когда я вчера (1 мая) возвращался с дачи, в машине по «Маяку» слышу интервью с Емельяновым (по случаю 1 мая). Вот почти текстуально что сказал Емельянов: Перестройка – это, действительно, революция. Но азбучная истина марксизма-ленинизма: революция ставит вопрос о власти. Вот и сейчас: на Съезде депутатов речь пойдет о власти. А мы знаем, что правящая верхушка никогда добровольно власти не отдает. Значит, надо ее взять у нее. Для этого и Съезд.

Значит, такие, как Емельянов, Г. Попов и т.п. будут брать власть у Горбачева. Но так как он ее действительно не отдаст добровольно, а они устроят обструкцию – придется применить силу… И пошло – поехало: опять разгон Учредительного собрания?

9 мая 89 г.

7-го мая готовил для М.С. материалы для встречи с Бейкером, но - не по директивам, которые дал МИД, и, конечно, не по их заготовке, которая сгодилась бы и год назад – для Шульца-Рейгана. Отсутствие воображения и чиновничья инерция в «понимании» и философии, и текущего момента просто обезоруживает.

М.С. вроде готовился встретиться с корреспондентами, чтобы «поговорить» о своей личной жизни. Когда кончили с японцем Уно, он оставил меня и Шеварнадзе и стал советоваться: мол, множатся сплетни, Р.М. переживает, мне скрывать нечего, я готов открыто обо всем говорить.

Я высказался, предложив сделать это после Съезда, когда Вы станете президентом. Тогда это будет выглядеть естественнее. А сейчас вроде бы бы какое-то заискивание перед обывательским общественным мнением. Он не согласился со мной и Э.А. тоже.

Готовился, но потом… корреспондентов не позвал. Не знаю, может, передумал и вспомнил мой совет.

3-го его встреча в Моссовете с депутатами. Опять обаял… проблема Гдляна. Сволочь. А на Арбате уже плакат: «Ельцин, Грузия, Гдлян… кто следующий?»

8-го писал международный раздел для М.С. на Съезд. Трудное дело, все вроде сказано. Решил полемически направить против Пленума ЦК (Бобовикова и К°).

13 мая 89 г.

Позавчера Бейкер. Американская концепция: нам, СССР, все равно некуда деваться, дело идет к распаду, поэтому госсекретарь приехал ни с чем…

М.С. побил его по всем статьям. Нанес удар в самое больное НАТО'вское место… Пусть разбираются. В конце концов, новое мышление уже сработало в том смысле, что всем ясно, что на нас никто не нападет и можем заниматься своими делами – перестройкой и сколько угодно сокращать армию, ВПК, уходить из Восточной Европы…

Горбачев развязал везде уже необратимые процессы «распада», которые сдерживались или были прикрыты:

- гонкой вооружения;
- страхом войны;
- мифами об МКД, о «социалистическом содружестве», о «мировом революционном процессе», о «пролетарском интернационализме».

… Исчезает социализм в Восточной Европе.

…. Рушатся КП в Западной Европе, где они не сумели «зацепиться» в качестве хоть мало-мальски национальной силы…

Всё, что давно зрело в жизни, теперь выплеснулось наружу и приобрело свой натуральный вид… И оказалось, что повсюду все не то, как представлялось и изображалось.

Но главное – распад мифов и противоестественных форм жизни нашего общества:

- распадается экономика;
- распадается облик социализма; идеологии, как таковой нет;
- распадается федерация – империя;
- рушится партия, потеряв свое место правящей и господствующей и в общем-то репрессивной, наказующей силы;
- власть расшатана до критической точки…

А другая взамен нигде пока еще не оформляется… Протуберанцы хаоса уже вырвались наружу, поскольку грозные законы, призванные удерживать дисциплину, никто не в состоянии заставить исполнять, ибо наш народ можно приучить к порядку только силой.

Сейчас в фокусе (перед Съездом) – национальный вопрос. Позавчера ПБ рассматривало положение в Прибалтике. Шесть членов ПБ после всяких комиссий и экспедиций представили записку – погромную, паническую: «все рушится», «власть уходит к народным фронтам». В этом духе шла проработка трех первых секретарей: Вайно, Бразкаускаса, Варгиса. Но они не давали себя съесть. Держались с достоинством и стреляли неотразимыми аргументами.

Я сидел и думал с тревогой: как поведет себя М.С.

Он оказался опять выше своих коллег на несколько порядков (я потом «похвалил» его за это и восхитился его заключительной речью).

Основные идеи:

- Доверяем первым секретарям. Иначе и быть не может.
- Нельзя народные фронты, за которыми идет 90 % народа республик, отождествлять с экстремистами. Но и с ними надо «говорит».
- Если объявить референдумы, ни одна, даже Литва «не уйдет».
- Вовлекать лидеров НФ в государственную, правительственную деятельность, ставить на посты, пусть покажут, как у них со «словом- делом».
- Вообще доверять здравому смыслу.
- Не бояться экспериментов с республиканским хозрасчетом.
- Не бояться дифференциации между республиками по уровню пользования суверенитетом.
- И вообще думать и думать, как преобразовывать на деле федерацию. Иначе, действительно, все распадется.

- Исключается применение силы. В международной политике ее исключили, а уж со своими народами и подавно.
- Выше уровень анализа процессов. Документ «шести» надо поднять в этом смысле. Осторожнее со всякими «квалификациями» и «ярлыками». Это – национальный вопрос.
- Госплану не занимать менторскую позицию. Идти навстречу максимально
- И т.д.

И второе… ленинградские перевыборы (они завтра). Несколько дней подряд 34 кандидата по одному округу, в котором 26 марта выборы сорвались, блистали по ленинградскому TV отъявленной демагогией – кто кого переплюнет в храбрости ругать свое и московское начальство. Один рабочий выступил так.

(Ох! Эта мифология насчет рабочего класса!):

- Горбачев обманывает нас.
- Долой 750 депутатов на Съезд от КПСС и общественных организаций. Отдать их рабочим.
- Рабочего никогда так не эксплуатировали, как в годы перестройки.
- До каких пор полки будут пусты?! Издевательство!
- Никакой демократии у рабочих не было и нет – всем по-прежнему правят бюрократы, которые сохранили все свои привилегии.
- Рабочий класс созрел, чтоб выйти на улицу с оружием.
- Долой московскую мафию!

И в этом духе.

Никто не возразил. Никто не остановил и не поправил, в том числе ведущий TV.

Есть подозрение, что все это специально организовано против Горбачева в отместку за 26 марта (раз предал аппарат – получит гласность против себя).

М.С. и Ярузельскому говорил: не надо бояться народа, нельзя обижаться на народ (это об апрельском Пленуме ЦК). Но кто – этот народ? Кто заговорил от имени народа? Пока – толпа, которую и представлял вот этот ленинградский рабочий.

Напомнил кто-то сегодня по TV слова анархиста князя Кропоткина: свобода – не демократична, она – аристократична. Ох, как глубоко!

<u>21 мая 89 г.</u>

Завтра Пленум. От Ивана (Фролова) узнал о реплике М.С.: «надо идти дальше, дальше»… (наверно, вспомнил Шатрова). По значительности, с которой это было сказано, Иван решил, что речь идет «об увольнении» еще кого-то из ПБ.

Через несколько дней – Съезд.

На душе тревожно. Правильно написал Баглай в «Известиях»: мы допускаем такое, будто у нас за спиной 100 лет устойчивой демократии, способной легко переварить любой экстремизм, и т.п.

А мы? На TV показали антисемитскую сходку во главе с Евсеевым, «интервью» с пьяными антисемитами «Памяти», которые заявили, что с помощью ПБ власть захватили евреи: Шатров, Бакланов, Познер, Захаров, Боровик, Коротич.

И «ответ» - ироническая реакция ребят-журналистов TV, бравших «интервью», которые, кстати, предложили дискуссию между названными шестью евреями и собеседниками этих журналистов.

Назвавшийся рабочим кандидатом в депутаты Пряхин во встрече с избирателями на весь Советский Союз по TV заявляет, что Горбачев обманывает народ со своими программами, от которых не пахнет ни хлебом, ни мясом.

Гдляна и Иванова решили остепенить. Так на том же TV передается «всеобщее возмущение народа». Но в то же время в Москве намечен митинг, организованный

«стачечным комитетом» в защиту Гдляна от властей. А они не только Лигачева, Соломенцева и Романова назвали (на весь Советский Союз) взяточниками, но намекают и на Горбачева.

Сегодня в «Лужниках» - 100.000 человек на митинге, организованном «Мемориалом» и «народным фронтом» Москвы. Формально – в поддержку перестройки. А во что выльется? Приходил ко мне вчера Карякин (он сейчас председатель «Мемориала»). Я, говорит, не исключаю, что митинг потребует резолюции (от депутатов, которые там будут – человек 40) – выдвинуть Ельцина в президенты страны.

Спрашиваю: И какие шансы, ты думаешь?

Он: А что… и примут, и выдвинут такое предложение на Съезде… И чем черт не шутит!..

Я: Но это же гибель всего дела…

Он: Будем сражаться… Ельцин и Сахаров съездили в Тбилиси. И распускают слухи, что в «кровавом воскресенье» виноваты не только Чебриков, Язов и Лигачев, но и Горбачев…

Я: Бросьте уж все-то на него клеить, его вообще в Москве не было.

Объяснил Карякину, как было на самом деле.

Он: Я-то верю, но… и обвел руками вокруг.

В общем сумрачно.

Вчера и позавчера М.С. мне пару раз звонил. Отошел от поездки в Китай. Бодр и уверен в себе… Шутит. Спрашиваю, собирается ли он на Пленуме излагать свой доклад Съезду.

Он: Чего еще! Опять затеют бодягу, как на Пленуме в апреле… На этот раз на Пленуме только «процедурные» вопросы Съезда.

Никто, кроме членов ПБ не знает, кого он двигает на ключевые посты в Верховном Совете (спикеры палат, руководители комиссий и т.д.). Но ведь не обязательно теперь, что эти кандидатуры пройдут… Не обязательно, что вообще будет принят тот регламент Съезда, который изготовил Лукьянов. И очень сомнительно, что Рыжков пройдет в премьеры.

Мне трудно сказать, хорошо или плохо, если на ключевые посты попадут такие, как Гаврила Попов или Шмелев. Но на месте М.С. я бы попробовал не сопротивляться: пусть покажут, может ли их слово стать делом. Опираться на привычных и управляемых чиновников в ведомствах Лукьянова и в отделе Чебрикова-Павлова – не очень-то получается, как показали пресловутые законы последних месяцев, на которых сейчас всех собак повесили.

Видна и некомпетентность ПБ. Сидишь иногда, слушаешь и стыдно становится за уровень обсуждения. М.С. возвышается над ними. Но он же не может во все вникать… Не в состоянии и организовать подготовку проектов и решений во всех деталях, с учетом всего и вся. Лукьянов хороший чиновник, компетентный, но - с тоталитарной идеологией под прикрытием верности закону. А законы пишет пока он, во всяком случае – проекты.

Речь М.С. в Пекине перед учеными и общественными деятелями – еще одна ступень в новом мышлении. Но в отличие от ООН'овской ее в мире пока никто не заметил – существа ее. (делал он ее с Шахназаровым).

Медведев (бригадир по подготовке доклада М.С. Съезду) манежит с моим международным разделом. Его главные замечания я учел (отделить новое мышление от принципов внешней политики, чтоб не заставлять парламент утверждать философию). А дальше? Темнота… Яковлев не стал вникать. Говорит: по-моему, подходяще. Однако, если выбросят полемический подтекст против апрельского Пленума – этих дебилов, которые хлопали Бебелю, международный раздел доклада «не прозвучит».

Дочитал я, наконец, томик Мариенгофа. Мудрость высокой прозы: сплав содержания (эпохи) и формы, освобожденной от всякой сусальности, от внешних эмоций и поэтому оголенно впечатляющей.

К вечеру ходил в Кремль оформлять свое депутатство. Встретил на лестнице Вайно Вяляса. Похвалил его за мужество и выступление на ПБ. Он просил передать М.С., что будет стоять до конца, «до последней секунды» за Союз. Процедура проста. Дали 400 рублей (а

вчера показывали по TV, как у американского конгрессмена: 18 сотрудников и 670.000 долларов на год – на депутатские расходы). Но дай мне хоть столько - что я буду делать, что я могу делать? Абсолютно не представляю себя в роли депутата. Но я просто, наверно, устал, да и никогда не был приспособлен к активной общественной работе. Чурался ее всячески… Ибо не умел. Я – камерный человек. И в политике мое самое место – «за кулисами».

Я написал для М.С. разгромный отзыв – комментарий к тезисам по национальному вопросу, которые изготовили у Чебрикова, - как платформу для обсуждения перед Пленумом по национальным делам в конце июля. Это по принципу: меняя, ничего не менять. Не знаю, как он отреагирует. Между прочим, надо, наконец, прямо сказать об особой роли России, русского народа в Союзе, объяснить честно, почему преобладает русское начало и в жизни и в политическом процессе государства.

А кто не хочет оставаться с русскими, «пусть гуляют». Но и русским надо нести свое бремя достойно, на пределе интернационалистической уважительности.

… Сколько еще в нас шовинистического мещанства!.. Не гордости, как:

Нам внятно все – и острый галльский смысл.
И сумрачный германский гений.

Нужна высокая культура народа, чтоб нести сейчас бремя русского человека в Союзе, в федерации. Не идеология, а культура.

На Арбате – портреты Николая II. «Огонек» уже второй раз публикует большие статьи о расстреле в Екатеринбурге. TV дает фото (очень интересные) о коронации 1896 года. Это все к тому же: Октябрь – эпизод в истории России и пора именно так к нему относиться…

Но вот едем во Францию. Речь М.С. в Сорбонне. Загладин сочинил аналогию 1789-1917! Не то, старо! Вот даже изощренный и образованный ум не чувствует ни эпохи, ни замыслов Горбачева. То же я обнаружил в поправках к тексту международного раздела для Съезда от Бессмертных (первого зама Шеварнадзе) - МИДовское понимание нового мышления (как концепции, а не новой философии, отказывающейся от идеологии).

Убирая очередной дневниковый блокнот, решил перелистать свои старые, 40-летней давности, записные книжицы… сразу после войны: Бог мой! Сколько же всего начитал самой серьезной, самой немарксистской, самой философской литературы! И выписывал уйму. И это – в разгар культа личности, до которой в душе мне не было, очевидно, никакого дела. Я жил отдельно от внешней для меня идеологической среды. И ни до, ни во время, ни после войны культ, сталинизм никак не отразились на моем духовном развитии. Хотя глухота совести и ума появилась, как это ни странно, уже после XX съезда, во время хрущевского отступления от него и моей работы в Отделе науки ЦК – отупляющей и духовно развращающей. Но потом был журнал «ПМС», который меня спас. И хотя я не склонен разделять восторги по поводу А.М.Румянцева (он всегда казался и глуповатым, и темным), но объективно и в моей жизни он сыграл роль: ведь это именно он вспомнил обо мне, когда его назначили шеф-радактором ПМС, и позвал ехать в Прагу из ЦК, а Кириллин (зав. Отделом науки) с удовольствием меня отпустил.

Когда М.С. повторяет: все мы дети своего времени (в том смысле, что всем нам надо соскребать с себя прошлое)… и меня в свою компанию зачисляет, я «не присоединяюсь». Я жил все таки в основном по законам российской интеллигенции. Никогда у меня не было ненависти к «белогвардейщине», никогда я никого, включая Троцкого, не считал «врагом народа», никогда не восхищался Сталиным и всегда фиксировал для себя его духовное убожество, никогда я не исповедовал официальный, т.е. сталинский марксизм-ленинизм. Помню свое поведение на семинарах по истмату и диамату в МГУ, когда я тех же Ковальзона и Келле загонял в неловкое положение, задавая им вопросы, на которые они знали ответы, но не могли честно отвечать. И видел, что они согласны со мной, но пытались учительски воспитывать меня.

Если бы Бог дал мне ум посильнее и характер по организованнее, я, наверно, что-то сумел бы оставить после себя…

А, впрочем – что оставить? Загладин, например, написал в общей сложности около тысячи печатных листов. А кому это нужно? Кто это и когда станет читать? И хорошо, что начиная с 70-х годов я перестал публиковаться. Не только из-за лени, а и потому, что не мог я писать так, чтобы потом не было стыдно.

Вспоминая написанное в 60-х годах, соглашаюсь с профессором Ерусалимским, что наиболее яркое и честное – была статья в журнале «Новая и новейшая история», написанная сразу по возвращению из Праги. Ерусалимский сказал тогда, что она вчетверо подняла тираж журнала. Вспоминаю свой доклад на теоретической конференции в Международном отделе. Он был опубликован в сборнике, мизерным, по тем временам тиражом (3000 экз) в 1968 году. Бурлацкий позвонил мне тогда: хорошо, говорит, тебе Толя, за толстыми стенами третьего подъезда ЦК КПСС. От нас, грешных, за такую статью партбилет бы попросили.

Так, что, Михаил Сергеевич, не все мы дети своего времени. Некоторые – дети XIX века. И обязан я, наверно, этим, если уж к самым корням идти, – своей матери, «из бывших».

М.С. так и не позвал меня в Волынское-2, где они с Яковлевым и Медведевым домурыживали сегодня его доклад к Съезду. Боюсь я особенно за свой международный раздел, хотя М.С. не должен вроде уступить что-либо существенное из своего нового мышления.

<u>28 мая 89 г.</u>

Что показали три дня Съезда? Прежде всего – изоляцию ПБ от государственных дел, какими они складываются в результате работы Съезда. На самом Съезде, в зале Лигачев и К^{о} сидят в уголке, там, где обычно аппаратчики, выглядят наблюдателями и являются мишенью для злых, ядовитых насмешек.

Горбачев вычленен из партгосверхушки и в какой-то степени огражден от нее.

«Серая масса» (по определению Ю. Афанасьева) – агрессивно-послушное большинство сильно сдерживают «интеллектуалов», но вместе с тем не сумела задвинуть Ельцина. Сулейменов (казахский поэт) в своем выступлении употребил такой образ: чем сильнее, мол, вы гребете левым веслом, тем больше лодка идет вправо. Правильно он увидел серьезную опасность. ПБ может спросить с М.С. – куда ты всех нас завел?! Не пора ли тебе убираться? А эту публику (интеллектуалов) мы без тебя обуздаем в два счета.

И серая масса и интеллектуалы отвергают внутреннюю, особенно экономическую политику М.С. Первые – за пустые полки магазинов и кооперативные цены, вторые – за некомпетентность.

Афанасьев и К^{о} – типичные «меньшевики», которые упиваются своим интеллектуальным превосходством и над серой массой и над начальством, включая Горбачева. Нахально это демонстрируют. И думаю, проиграют, как и их предшественники в 1917 году. Ибо не учитывают, что мы (и они!) имеем тот народ, который имеем… Но кто сыграет роль большевиков? Кто скажет: есть такая партия! И захочет прорваться к власти? Провинциалы, которые показывают и энергию и ораторство, а главное – ненависть к Москве в целом? А кто сыграет корниловцев? Лигачев, Воротников и К^{о}?

Горбачев ведет дело на пределе возможного. Но и он не может справиться с последствиями своей доверчивости к аппаратным методам подготовки и ведения Съезда. Тянет его «старое», как в свое время у Никиты (Хрущева), хотя с большим коэффициентом на интеллигентность.

Допускает ошибку за ошибкой в тактике. Его импровизации не всегда удачны. То, что он затеял дискуссию вокруг Афанасьева, пожалуй, удача, но сама дискуссия содержательно выявила также, что и сам он начинает терять интеллектуальное превосходство над залом. Попытка фуксом протащить Лукьянова в первые замы председателя Верховного Совета, да еще открытым голосованием – это провал, самодискредитация.

Недооценил он и того, чем может обернуться Карабах, Тбилиси, дело Гдляна. Опять же положился на старые приемы, решил, что не осмелятся катить бочку на него самого.

Недооценил он с одной стороны морального потенциала у таких, как, например, Заславский, Старовойтова, которые на костер пойдут за правду, а с другой стороны – непорядочности таких, как Афанасьев, Попов и К^{о}, которых он сам вывел на политическую авансцену, а они первыми набросились на него самого.

Ельцин, думаю, накрылся. Здесь, видимо, главную роль сыграл он сам – его дебильность стала виднее и на митингах, и на Съезде. И те, кто создавал миф и пользовался этой дебильностью, возможно поняли, что далеко на нем не ускачешь, когда потребуется настоящая работа и ответственность.

«Дачная ахиллесова» пята М.С. сейчас обнажилась. Недоумение я выражал на этих страницах еще в сентябре[2]. Если он хочет иметь то, чего заслуживает президент сверхдержавы, он должен вести себя, как президент, т.е. с нарастающим акцентом авторитарности, только тогда народ признает его право жить во дворце и заткнется. Если же он будет играть в демократа – «я такой же, как и вы все» – «дача» обернется дискредитацией, потерей авторитета. (под «дачей» я имею в виду все регалии и амбиции Раисы Максимовны)

Провал с Лукьяновым, а он вполне может случиться, может стать началом цепной реакции к распаду ПБ, как такового, как организма, который будут результативно слушать на местах и ведомствах.

Рыжков под большой угрозой. Думает ли М.С. об альтернативах? Ведь, если Съезд отвергнет и Лукьянова, и Рыжкова, он не позволит взять ни, например, Маслюкова, в качестве премьера, ни даже Шахназарова взамен Лукьянова. А впрочем, почему бы и не Шах. Премьером же надо делать Абалкина.

Вообще все это до жути странно – на глазах разваливаются столь привычные авторитеты власти. Готов ли к этому сам М.С.? Он ведь накануне Съезда опять собирал секретарей обкомов, инструктировал их, давал им понять, что они – опора. А эту опору на выборах в Совет национальностей прокатили, попали туда только три секретаря обкома. Это ли не сигнал для партаппарата! Им остается либо уходить, либо ощетиниться, время для них течет со скоростью горного потока.

Сегодня с утра Горбачев в Волынском-2. С ним Маслюков, Болдин и Яковлев. Опять речь идет об экономике, видимо, под впечатлением того, что уже наговорено на Съезде. Мой раздел (международный) он, наверно, не видел до сих пор. Международная тема практически на Съезде отсутствует.

Плохо, что он держит рядом лишь Яковлева и иногда Медведева. Шахназаров шумит: почему не опирается на нас… не глупее мы, а главное мы можем говорить, что думаем. Почему он варится в яковлевском соку, который (Яковлев) сам сейчас в некоторой растерянности.

Еще одна новация Съезда: на Пленумах ЦК, не говоря уже о XIX партконференции в прошлом году, все поднимались с мест, когда Горбачев входил в зал, даже хлопали. Конечно, не так, как при Брежневе или Черненко, но все же… Ленинский обычай не был восстановлен при Горбачеве (не вставать), а теперь это произошло уже по другой причине. На Съезде никто даже не пошевелится, когда Горбачев из той же угловой двери, из которой выходило, бывало, все ПБ во главе с Генсеком появляется в зале и идет к центру президиумного стола. Это уже перемена в психологии, это уже значительно. Часто в перерывах Горбачев ходит по залу, в фойе, собираются вокруг него группы по несколько десятков, большинство же продолжают прохаживаться, разговаривая друг с другом или сидеть на своих местах – им не интересно, о чем беседует с людьми Генсек и президент.

Хватит ли у него (ведь это Русь, Россия!) содержательного авторитета, что поправ внешний, удержать уважение к себе. Народ наш не благодарен и забывчив. Сейчас, в эпоху распада всяких норм и устоев, всяких формальностей, есть опасность в этом новом явлении.

---

[2] *Имею в виду свое удивление и неприязнь, когда осмотрел дворец в «Заре» (Форос, Крым).*

Еще одно наблюдение: диапазон от Прибалтики до Средней Азии и Сибири. Делегации даже «территориально» расположены в зале в разных концах (слева от меня – правые, справа – левые). Но я про другой диапазон: от культуры до дикости. От демократии до сталинизма-брежневизма в уровне сознания и языка. Одни чешут латинскими выражениями (насчет права и норм), другие, когда не нравятся, «захлопывают» оратора или кто-то вскакивает и (микрофона не дают) орет что-то очень грубое.

11 сентября 89 г.

Сегодня Сухарто. Очень не к месту. Но что делать? – нельзя же закрывать внешнюю политику из-за того, что в стране бардак… Итого хуже: скажут, что уж совсем М.С. лапки опустил, даже протоколом пренебрегает.

А он, кстати, не опустил… Несмотря на Прибалтику и Закавказье, на завал со снабжением, несмотря, что все его клянут – теперь уже не только аппарат (тот просто ненавидит и мечтает о жизни, как 5-10 лет назад), но и миллионы обывателей. Популярность его падает. Он это видит. Во всех слоях, в том числе и у верной перестройке интеллигенции.

С 5 августа по 6 сентября опять был с ним в Крыму (в том самом дворце).

Помимо текучки замучил сначала идеями к Пленуму по национальному вопросу: скажет чего-нибудь по телефону или надиктует и… «ты там погоняй». И я делаю из «звонка» литературный текст.

Потом злился на статью Гранина в «Советской культуре», где тот покритиковал его за то, как он манипулировал Съездом и Верховным Советом. И тут же велел мне написать самому и посадить целую группу в Москве – разоблачать тех, кто «ставит ложные ориентиры», сбивает народ с толку, правых, левых и т.п. Собрался выступать по телевидению и сам стал надиктовывать. Вызвал было в Ялту TV. Но тут набежали события 23 августа в Прибалтике: заставил в один день сочинить Заявление ЦК. Отделы дали один вариант, Шахназаров, который отдыхал в «Южном», и я - другой. Мне пришлось все соединять. Получилось не Бог весть что. Прибалтов обозлило. Московская интеллигенция ворчит. Сам М.С. видит позитив в том, что заставил лидеров Народного фронта и «Саюдиса» выложить карты.

Но прибалтам – что? Они цивилизованно годами будут отчаливать из СССР. И пока еще ни морду никому не набили, ни капли крови не пролили.

А вот в Закавказье она уже льется ежедневно. Баку теперь бастует уже 6-ой день. Народный фронт Азербайджана требует разогнать НКАО. И уже военные отряды готовят войну с армянами за Карабах. Те – тоже.

Сегодня с утра он говорил с Везировым (первый секретарь КП Азербайджана). Не знаю, чем это кончится.

Я не могу проникнуть в его тайные замыслы (если они есть)… Он, когда диктовал против правых и левых порировал: вот, мол, требуют стабильности. А какая стабильность! Ведь революция… Если стабильность, то конец перестройке. Стабильность – это застой. В революции должна быть нестабильность.

Но тогда чего ж возмущаться против тех, кто баламутит?! Душевное состояние у него – без паники, без нервов. Будто в глубине души он убежден, что не потонем.

Опасный крен у него – поддакивание «россиянам» (встречался с Бондаревым, дал «Героя» Астафьеву, сделал Куняева редактором «Литературной России»).

И вновь и вновь повторяет: что «если Россия поднимется», вот тогда-то, мол, и начнется…

Что начнется?.. Железно стоит против создания компартии РСФСР, против придания РСФСР полного статуса союзной республики. На ПБ последний раз так и сказал: «Тогда конец империи».

Словом, держится за старые рычаги. Как в свое время Никита… Хотя волю стране дал небывалую и теперь уже не удержишь, не вернешь.

И в экономике – тоже боится рынка, боится свободных цен, боится кооперации, боится разогнать колхозы и ведомства, хотя видит, что аренда без этого не пойдет. Сам же на последнем ПБ заявил, что мартовский Пленум заваливают (но ведь его решения не заработают без изменения в характере собственности, в производственных отношениях!).

Но кто заваливает? Сам сказал, что Герои социалистического труда председатели колхозов… во главе с Лигачевым, который ездит по стране и укрепляет колхозный строй. ПБ боится с ним покончить.

Не согласился со мной созвать внеочередной Съезд КПСС в ноябре – с вопросом переизбрания ЦК. Я ему три страницы аргументов написал, почему это нужно. Нет! Хотя понимает, что ЦК – против него, против перестройки, что он в нынешнем составе губит авторитет партии (остатки авторитета). И даже «измена» Рыжкова на совещании секретарей обкомов в июле (фактически Пленум ЦК) его не ошеломила, не хочет круто разделаться с окружением и воспользоваться своей новой властью президента.

Приехал с Юга, провел ПБ – о мыле и прочем дефиците. Народ хохочет. Нашел козлов отпущения – бросил толпе Гусева, Лахтина, Ефимова, будто в них дело (хотя Ефимов – зам. Маслюкова – действительно показал на ПБ феноменальную беспомощность и просто «темность»).

16 сентября 89 г. (суббота)

Сегодня был на работе. Готовил материалы к Тэтчер, которая явится 23-го проездом из Токио. Фантазировал на интим.

М.С. прислал доклад для Пленума, просил прочесть. Я его в основном уже знаю – и по Крыму, и по варианту Шахназарова, который и лег в основу.

Гора родила мышь. Полупризнания, полуосуждения, полуразрыв с прошлым. Полурешения. Многословие. И главная тут причина – нежелание расстаться с империей. Много несостоятельных аргументов, особенно в том, что дало народам пребывание в СССР, особенно на фоне сталинизма и теперешнего развала.

А между тем – создание Народного фронта Украины, его учредительный Съезд в Харькове 11-12 ноября, активность «Руха» тоже, вслед за Латвией и Литвой, имеют своей конечной целью – «соборное» украинское государство! 1200 делегатов, 500 гостей со всего Советского Союза. Съезд прошел под самостийное улюлюканье, желто-белыми флагами.

В Челябинске, в Свердловске (завершится в Ленинграде 17-18 сентября) прошел съезд рабочих комитетов. Будет создан Объединенный трудовой фронт. Начало всему этому положили забастовочные комитеты шахтеров Кузбасса, Донбасса, Воркуты. Лозунг – до перестройки было лучше, а конечный смысл – долой Горбачева!

Ельцин в США – убожество и позор! А Буш и К° присматриваются к нему, как к альтернативе.

Закавказье (Баку и вокруг НКАО) - накануне гражданско-национальной войны. В Баку власть уже фактически у Народного фронта Азербайджана. Везирова публично обливают помоями. НФА объявляет когда хочет всеобщие забастовки, созывает стотысячные митинги, в общем правит, не с кем не считаясь. Сотни поездов стоят на путях – это, чтобы они не попали в Армению.

Сахаров и Старовойтова – в Челябинске на перезахоронении 300 000 жертв Гулага 30-х годов. Сахаров там о Горбачеве сказал так: я его не идеализирую, он не решителен и не эффективен. Он, в конце концов, должен определиться – лидер он перестройки или номенклатуры.

ЦРУ предсказывает: быть Горбачеву еще не более полугода.

Старовойтова поучала латышей: «Из империи не уходят, такого еще не бывало. Уходят из демократического государства. Его-то и надо сначала создать».

Словом, все смотрят в корень. Ибо на ленинизме нельзя строить нашу страну.

17 сентября 89 г.

Начал читать «Русофобию» Шафаревича. То, что он громит (убедительно на академическом уровне), его собственная концепция России – все это старо, придумано, упражнения ума. Не нашли мы еще «выхода». И нет у нас настоящей концепции России.

М.С. на ПБ объявил, что ему, наверно, надо выступить в «Коммунисте» на тему: что такое социализм и его обновление. Идея прошлогодняя. Начато было еще со мной в Крыму. Теперь эту тему доводит Ванька (акад. Фролов) со своими адъютантами Лацисом и Колесниковым. Уверен, что ничего серьезного из этого не получится. Потому, что прав Ю.Афанасьев: надо отойти от дилеммы капитализм-социализм - это нафталин. Нельзя искать будущего на путях догматизированного марксизма-ленинизма, как его ни обновляй. Нужна совершенно свободная мысль и теория, основанная на реалиях современности. Марксизм-ленинизм – это XIX век, в XX-ом он дал катастрофические плоды.

Когда вчера вошел на Крымской в картинную галерею, увидел в вестибюле давно там поставленные скульптуры: красноармеец на посту со штыком и в дохе, Зоя Космодемьянская, пастух из Дагестана…

И ужаснулся я: ведь демонтируем все, что было идейной атмосферой нашей молодости. Все приобрело значение с обратным знаком. Все вокруг было ложью.

… Но, наверно, и всегда так… И хорошо, что я тогда, в 30-х годах, не увлекался политикой. И в комсомол-то вступил перед самой войной. И читал Нитцше и Шопенгаура, десятки книг, выпускавшихся горьковской «Всемирной литературой», Достоевского в довоенных – до 1914 года, изданиях, Оскара Уальда и Олдингтона, Келлермана и Цвейга, Роже Мартен дю Гара и Андрэ Жида, Ромен Роллана и Анатоля Франса, Гонкуров и Герцена. Может быть, сотни книг, причем выбирал те, которые другие не читали, - оригинальничал. А в результате не утратил того, о чем сейчас плачет наша «передовая» пресса, - моральных норм и совести. В результате никогда не был под обаянием Сталина, никогда не считал его великим, потому что он не был в моих глазах «благородным», «аристократом», интеллигентом, т.е. человеком культуры.

И безнадежные попытки матери удержать невозможное – воспитать меня в духе дворянской традиции, по канонам той, дореволюционной среды, в которой она сама выросла (фортепьяно, французский и немецкий языки с гувернанткой Ксенией Петровной) – все это не прошло даром…, хотя и не дало мне умения играть по-настоящему, ни знания этих языков.

Я всегда был внутренне свободен. И единственный период в моей жизни, когда эта свобода оказалась под угрозой, - это моя работа в Отделе науки ЦК КПСС в конце 50-х годов. Здесь служба вынуждала меня делать гнусности, хотя я и сопротивлялся, старался как-то нейтрализовать удары этого Отдела по «детям XX съезда».

Размечтался, в общем…

А что сейчас-то с нами будет? Горбачев теряет рычаги воздействия на страну. И может быть прав Сахаров (заимствовавший от Афанасьева эту идею) – пора выбирать: кто он – лидер перестройки или лидер номенклатуры?! Уж очень робко он расстается с прошлым и с окружением. Хотя цену своему окружению знает и мне говорит об этих людях откровенно.

Вот позавчера отправил на пенсию Талызина (Госплан), Щербицкого, на очереди Никонов. Но Талызин и Никонов давно мертвые души в ПБ, а отставку Щербицкого теперь воспримут, как диктат оппозиции, т.е. опять же, как опаздывание и потерю инициативы.

И вообще… Что такое сейчас ПБ? Скорее всего это место, где Михаил Сергеевич может откровенно и много говорить.

23 сентября 89 г.

Вчера была Тэтчер. Красива, умна, незаурядна, женственна. Это не правда, что она баба с яйцами, мужик в юбке. Она насквозь женщина и еще какая!

Хвалит Горбачева. Телевидение ей вчера дало чуть ли не целый час для этого занятия. М.С. ей благоволит. Наверно, потому что она правильно поняла его замыслы, что ему наплевать на идеологию коммунизма – он хочет сделать свою страну нормальным цивилизованным государством. И если бы не катастрофа с народным «благосостоянием», страна уже стала бы такой.

Обедал он с ней на ул. Алексея Толстого в шехтелевском особняке.

Позавчера был у Горбачева Жорж Марше. М.С. провел с ним около пяти часов, был в форме, весел, обаял, шутил, поражал французов живостью ума. На его фоне они выглядели провинциалами прошлого дня. Жора пыжился невероятно. Но при всем своем нахальстве, французской петушистости не мог спрятать смущения и чувства второстепенности рядом с Горбачевым.

М.С. подпускал в разговор «братской» доверительности, но идейно не отступал ни на йоту, не сунул французу даже мизинца, чтоб тот мог заключить, что М.С. играет игру, оставаясь по сути на классовых позициях.

М.С. выиграл Пленум… своим экспромтом=блестящим заключительным словом, и еще одной перетряской ПБ и Секретариата.

1 октября 89 г.

Начинаю готовить визит в Финляндию, но до этого еще будут Асад (президент Сирии), Брандт и папский нунций. И со всеми проблемы очень деликатные: как остановить Сирию в Ливане; как приструнить Брандта, который вдруг заговорил о «воссоединении»; как обойтись с Папой (с которым он скоро встретится в Ватикане) по вопросу об унии: наша православная церковь ни в какую! Сталинисты там еще те! Это очень сильно проявилось в выступлениях двух митрополитов на заседании международного комитета народных депутатов 27-29 сентября.

С Горбачевым был такой эпизод при проводах его в Киев в аэропорту. Провожающие сбились в кучку: Зайков, Язов, Лукьянов, Примаков, Медведев, помощники, Кручина. Зайков стал рассказывать, как московский горком начал «работать» с Ю.Афанасьевым. Тот незадолго перед тем выступил в Ленинграде на заседании межрегиональной группы народных депутатов, а потом в созданном в Верховном Совете комитете по 39 –ому году и окончательно вывел из себя Горбачева.

Поручил я, говорит Зайков, разговаривать с Афанасьевым двум своим заместителям. Вызвали они его к себе в горком, а тот им: А что? Да, я за отделение партии от государства, за отделение государства от экономики. Да, я за отмену демократического централизма и за свободу разных платформ в партии, за соревнование между ними и открытую дискуссию. Да, я ищу поддержки своим взглядам у рабочего класса. Да, о 1939 годе надо сказать всю правду. А Советский Союз надо возобновлять на основе нового, действительно, добровольного договора. Но за партбилет (показал на карман на левой половине груди) буду бороться.

Тут встрял Лукьянов: Не будет он бороться, не нужен ему партбилет. Он хочет иметь свою партию с собой во главе. Зайков стал возражать, но как-то растерянно. Пришли, мол, ко мне после этого разговора мои замы и спрашивают: что будем делать? А я и сам не знаю…

4 октября 89 г.

Сегодня ПБ. Подводили итоги сентябрьского Пленума. М.С. наговорил смелых вещей, в присутствии, кстати, секретарей компартий всех республик и крупных обкомов. Обсуждали итоги восстановительных работ в Армении после землетрясения. Ситуация жуткая. Прошел год, но жилья построено всего 28 % от запланированного, больниц и школ 23 %, в Ленинакане заселили только один дом, 150000 горожан без крова, в Кировокане сдали только три дома. Азербайджан блокирует железную дорогу. За последние четверо суток из 120 поездов, предназначенных для Армении, был пропущен только один. Вагоны с цементом

заливают водой и их приходится сбрасывать с путей вместе с закаменелым цементом. Цистерны с горючим сливают прямо на путях. Такова одна из форм армяно-азербайджанской войны.

Последним по этому пункту выступил Арутюнян (первый секретарь КП Армении). И тут вскакивает Соколов (первый секретарь КП Белоруссии). С налитым кровью лицом набрасывается на армянина: все республики, вся страна помогают Армении…, а чем Армения отплатила стране?

Арутюнян смутился, не понял, бормочет: «А чем мы можем сейчас помочь?»

Соколов наступает: Я спрашиваю, чем Армения отплатила – Карабахом и всей этой сварой вокруг?

Горбачев понял, что пора вмешиваться: «Ну, в таком тоне это вы в коридоре договорите», - и тут же стал подводить итоги этому пункту повестки дня.

- Такая трагедия! Народ, целый народ выбит из жизненной колеи. А вспомните всю его историю! Трагическая история. И теперь - дети Армении рассеяны по всей стране, 700 000 вместе с беженцами без крова… Такая беда…

Вы все должны, вернувшись домой, посмотреть, как у вас обстоит дело с помощью Армении. Стыд и позор, когда самовольно занижаются планы помощи и не выполняется обещанное. Это не только политическая проблема. Это наша нравственность и гуманизм.

И т.д. в этом духе…

Все слушали, примолкнув, поглядывая на Соколова, который сидел, как обосранный на глазах у всего генералитета партии и вновь избранных членов ПБ и Секретариата ЦК.

Потрясающий Михаил Сергеевич. Вот так он пытается учить политической культуре.

Обсудили состояние хлебного баланса. Оказалось, что хозрасчетная свобода привела к тому, что у нас образовался недобор в государственных закромах 37 млн. тонн. И это при урожае в 205 млн.

Воротников призвал забрать зерно железной рукой. Рыжков грозил краем пропасти и катастрофы. Выступал, как и в начале по итогам Пленума, истерически, хотя и со своей обычной присказкой: «Я, конечно, не драматизирую»…

М.С. нашел соломонов выход: пусть товарищи, когда приедут домой, посмотрят, что можно еще сделать. И кто продаст государству сверх плана, должен получить компенсацию стройматериалами, бензином, машинами.

Разговаривал я в кулуарах ПБ С Вялясом и Браскаускасом. Настоящие они… Но ни Рыжков, ни ведомства не хотят их слушать, видят в них только националистов, сепаратистов.

5 октября 89 г.

Вчера опубликовано постановление Верховного Совета о введении военного положения на дорогах Закавказья, чтоб «снять» блокаду Армении.

Сегодня Азербайджанский Верховный Совет принял закон о суверенитете, по которому объявляет свою полную власть над Карабахом, исключает какие бы то ни было вмешательства в его дела, неприкосновенность территории, «Центр» (Москва) сохраняет только те права, которые ему добровольно уступает Баку, право свободного выхода из СССР.

По радио передали только что – блокада Армении продолжается. Поезда не пропускают.

Пока мы дискутировали с прибалтами и пугали себя их «уходом», мусульмане начали развал государства. И если завтра войска пойдут пробивать поезда в Армению, будет объявлена всеобщая забастовка, начнется вооруженное сопротивление, «ввод войск» будет объявлен агрессией, обратятся в ООН и т.д.

А М.С. завтра летит в ГДР на 40-летие. Очень ему не хочется. Два раза звонил: вылизал, мол, свое выступление там до буквы, в микроскоп будут везде смотреть… В поддержку Хоннеккера не скажу ни слова… Республику и революцию поддержу.

Сегодня в Дрездене – 20 000 человек вышли на демонстрацию, вчера – в Лейпциге еще больше. Идет информация, что в присутствии Горбачева начнут штурмовать стену. Жуткие сцены при прохождении спецпоезда с гэдэровскими беженцами из Праги в ГДР через Дрезден. Западногерманское TV сняла все это и показывает на ГДР.

Вся западная пресса полна статьями о «воссоединении» Германии.

Завтра съезд ВСРП в Будапеште объявит о самоликвидации «социалистической ВНР».

О Польше и говорить нечего: ПОРП не только не у власти, вряд ли выживет до своего съезда в феврале.

Словом, идет тотальный демонтаж социализма как явления мирового развития… И, наверно, это неизбежно и хорошо. Ибо речь идет о единении человечества на основах здравого смысла. И процесс этот начал простой ставропольский парень.

Может быть, Тэтчер и права, которая восторгается им именно потому, что думает, что он «в душе» как раз и задумал самоликвидацию общества, чуждого человеческой природе и естественному ходу вещей.

Другое дело… нужен ли был 1917 год в России…, и наши опять (!) великие жертвы, чтобы человечество пришло к «этому выводу».

Завтра парламентская комиссия Верховного Совета начнет рассматривать афганский вопрос. Арбатов, которому поручен проект, сегодня прибегал.

8 октября 89 г.

Вчера М.С. вернулся из ГДР. Кажется, и в речах, и в интервью по TV он удачно вышел из положения.

Шахназаров и Раиса Максимовна рассказывали в аэропорту… М.С. и Хоннеккер идут сквозь шпалеры тысяч, сотен тысяч… Стоит сплошной ор: Gorby! Gorby! На Эриха никто не обращает внимания. На митингах плакаты по-русски: «Горбачев – ты наша надежда!». Там, помимо М.С., было еще около 20 разных лидеров (Живков, Чаушеску, никарагуанка Ортега и т.п.) – на них никто не обращал внимания. Все «празднество» сосредоточилось на присутствии Горбачева в Берлине.

Он вернулся довольный. Его поддерживает и успокаивает признание и понимание «там» – по контрасту со сволочным отношением собственного народа.

Кренц сказа Фалину: «Этот наш (Эрих) все водит, но ничего признавать не хочет». 10-го у СЕПГ Пленум… Может быть, будут свергать Эриха. Впрочем, иначе дело скоро дойдет до штурма «стены». Во всяком случае поезда с беглецами Прага-Дрезден-ФРГ шли сквозь строй восторженных приветствий, забрасываемые цветами и т.д. Полицейские приветственно махали русским…

Какой у меня «комплекс ощущений»? Он – из печати, из внутренних шифровок, из докладов с мест в ЦК, из записок и разных писем. И все это создает непреодолимое впечатление общего распада…

Нуйкин в «Огоньке» дает статью – интеллигентский разврат. Вообще интеллигенты-перестройщики подрастерялись, когда настало время «положительной» работы. Большинство, во всяком случае… По инерции наращивают разоблачительство.

В «Огоньке» печатается Бажанов – помощник Сталина 1922-28 годах, который тогда же сбежал за границу… Наряду с хлестаковщиной там сведения, которые не придумаешь, в особенности о роли при вождях секретарей и помощников. Тогда еще, при Ленине, создавалась, значит, система, которая дожила до Горбачева. И меня до сих пор кое-кто из ПБ и Секретариата ЦК воспринимает по той «традиции», считая «более важным», чем какие-нибудь члены ПБ и само ПБ (особенно Бирюкова, Бакланов, даже Слюньков, некоторые министры). Поразительно, как Сталин сумел уловить, какими рычагами можно управлять такой страной, и создал эти рычаги…, до сего времени действительные. И ими пользуется даже М.С., особенно в «писарском» (формулировочном) аспекте

Разговор в аэропорту с Н.И. Рыжковым (в присутствии Яковлева, Шахназарова, Фролова). Звоню, говорит, я Везирову (после постановления Верховного Совета о введении военного положения на железных дорогах Закавказья). Спрашиваю: мне с тобой говорить или с Народным фронтом? Ты прямо мне ответь… Мне «переводчик» не нужен: власть у тебя еще есть, или власть у них и мне лучше прямо на них выходить?.. Даю вам сутки, если блокаду не снимете, ввожу войска со всеми вытекающими… Везиров ответил, что «посоветуется» с лидерами НФА. Пришли сначала 8 из 16 «членов правления». Сказали, что без кворума решать не будут. Собрали, наконец, кворум… И передали, что они «начнут» постепенно пускать поезда… Чуть напугались, хотя и пыжились, - заключил наш премьер.

Вот ситуация. Мы говорим: ПОРП уже отстранили от власти и низвели до ничего не значащей величины. ВСРП на очереди. А у нас самих в Азербайджане то же самое, как, впрочем, и в Литве!

9 октября 89 г.

Сегодня второй раз был у меня Олег Уралов. Режиссер, которого я нашел в качестве автора фильма «Портрет Горбачева». Идея принадлежит М.С. Недели две тому назад он позвонил: займись… для поездки в Италию. Но, чтоб не банальность, не трафарет.

Уралов оказался тем человеком, который увлекся, умный, красавец, образованный, как выяснилось, талантливый и большой культуры, со вкусом.

Меня он проинтервьюировал основательно. Говорили часа два. И я пытался раскрыть ему «черты портрета». Много сказал откровенного, чего никому не говорил из посторонних.

Он в конце сказал: если делать, то надо начинать с разговора у М.С. – это даст направления и содержание сценария. И еще практические вопросы…

Я послал М.С.'у записочку. Вернувшись с Верховного Совета, он позвонил. И говорит, что такой портрет, как задумал Уралов – рано. Не время. Сейчас портрет надо писать делами… Давай я сам ему это скажу. Часа через полтора мы с Ураловым были у М.С.

Он в своей манере обаял режиссера. Поддержал его идею и замысел. И объяснил – почему не время. За полтора-два года надо сделать прорыв…, уравновесить общество. Делами доказать право на «портрет».

Уралов: Но такой портрет нужен сейчас, потом он приобретет лишь историческое значение.

М.С.: Да, вы правы. Но… Давайте сделайте «банальный» фильм для итальянцев, нарежьте из уже имеющегося… Но большую идею не бросайте, пусть уже сейчас работа начинается.

И вот… (показывает на меня) с А.С. все вопросы.

Я: Да, мы с Ураловым уже нашли общий язык.

М.С.: Я ему полностью доверяю… Мы думаем с Анатолием в одном направлении и он все знает. Он, правда, человек увлекающийся, приходится сдерживать (смеется). Но это хорошо, когда человек в таком возрасте увлекающийся…

Уралов: Но вы ведь тоже увлекающийся.

М.С.: Да, увы. Вот мы и сошлись…

Вот такое неожиданное «признание в любви» я получил.

Европа вся в восторге от М.С. в Берлине. И все в Европе на ушко нам шепчут: хорошо, что СССР высказался деликатно против «воссоединения» Германии.

Загладин объездил всю Францию, встречался со всеми – от Миттерана до мэров. Завалил Москву записями своих бесед (со смаком – его хлебом не корми!). И все в один голос – одна Германия никому не нужна.

А Атали (помощник Миттерана) заговорил о восстановлении серьезного советско-французского союза, включая военную «интеграцию», но через камуфляж якобы для совместного использования армий в борьбе со стихийными бедствиями.

Тэтчер, когда она попросила «не записывать» беседу с М.С., решительно против «объединения Германии». Но я, мол, не могу это сказать вслух ни у себя дома, ни в НАТО. В общем – нашими руками хотят это предотвратить.

11 октября 89 г.

Сегодня М.С. встречался с Раковским (польский премьер). Я там не был. Но читал запись его встречи с Ярузельским и Раковским в Берлине.

Им и Хоннеккеру (один на один) он говорил такое, чего, наверно, не нужно было говорить. Подыгрывал, а может отдавал дань не изжитой в себе ортодоксии: мол, ПОРП и ВСРП «проиграли», упустили, сдали позиции (социализма).

Венграм он это не говорил. А полякам… лишь соглашается, когда они сами об этом говорили.

Запись с Хоннеккером… М.С. назвал его (в разговоре со мной и Шахом) мудаком. Мог бы, говорит, сейчас сказать своим: 4 хирургических операции, 78 лет, требуется много сил… в такой бурный период, мол, «отпустите», я свое дело сделал. Тогда, может быть, остался бы «в истории». Мы с Шахом усомнились, что он, сделав это сейчас, останется «в истории». Два-три года назад – куда ни шло. Сейчас он уже в ситуации Кадара. Он уже проклят народом.

В Берлине второй день идет ПБ. Кренц послу нашему для передачи М.С. обещал «поставить вопрос» о переменах. Хоннеккер его предупредил: будешь моим врагом! Но тот, кажется, это сделал. Чем-то кончится?

Коль третьего дня напрашивался на телефонный разговор с М.С. Я вчера ему напомнил: М.С. отмахнулся – не хотелось ему. А сегодня звонит: давай, соединяй… Только я было за трубку, он опять звонит: а стоит ли? Еще не ясно, чем в Берлине закончилось. И вообще…

Я: Надо, неловко. И потом – я уверен, что он звонит, чтоб «отмываться» от своих заявлений насчет «воссоединения» (в связи с бегством немцев из ГДР в ФРГ).

Разговор длился 17 минут: Коль обещал помочь Венгрии и Польше, собрался ехать в Варшаву, а главное – заверил, что не будет дестабилизировать ГДР.

М.С. в ответ: Это очень важное заявление. Принимаю его к сведению. Поговорили о двусторонних экономических связях по итогам визита М.С. в Бонн.

Мы с Шахназаровым учинили погром записке Шеварнадзе и Крючкова по поводу политики на страны «соцориентации» Застенчивые изменения они предложили. Мы же выступили против самой этой категории: «соцориентация», против деления третьего мира по идеологическому признаку, против экспорта туда оружия, которое соблазняет их заниматься не тем, чем следовало бы…

Словом, мы предложили коренным образом изменить курс в этом направлении, ибо прежний, сложившийся по идеологическим мотивам и на основе военно-стратегических соображений позавчерашнего дня, не оправдал себя, Обанкротился, и не совместим с новым мышлением.

М.С., судя по тому, что он направил наш «меморандум» Шеварнадзе и Яковлеву, поручив переделать, согласен с нами. Но чем-то кончится?..

Фактически я разрешил Боровику (известный журналист-международник) пригласить Переса (Израиль) в СССР, как-то не подумав, что я делаю, пусть по общественной линии, пусть не для государственных дел, но ведь это вице-премьер страны, с которой мы не имеем дипломатических отношений. Боровик подлез ко мне в перерыве заседания Международного комитета Верховного Совета. Нес всякие аргументы и сулил выгоды. Я сказал: Если вы имеете право, приглашайте. И вот Перес уже дает интервью газетам – что он собирается у нас здесь делать. Отнюдь не коммерцию с Советом мира, а заниматься политикой. А М.С. узнает об этом из интервью, Шеварнадзе тоже. Не дадут ли мне за это по шее?!

В целом, общаясь с М.С., наблюдая его, слушая и видя заседания ВС, не ощущаешь, что в стране уже началась гражданская война: воинские эшелоны и конвои через Азербайджан в Армению подвергаются обстрелам, уже было несколько «боев» с применением автоматического оружия.

Готовлю «мировоззренческий» материал к встрече М.С. с Брандтом (17.10)…, движемся к возрождению единства, к ликвидации исторического раскола социал-демократического и коммунистического движений (если последнее еще есть).

15 октября 89 г.

В пятницу М.С. провел свою очередную встречу с руководителями «mass media». Я не пошел – цейтнот с Брандтом. Но Сережа Морозов (теперь редактор журнала «За рубежом») подробно по записям рассказал, что было.

Думаю, что эту акцию приравняют к Хрущев-Пастернак или к его тогдашней встрече с «интеллигенцией», с которой начался открытый откат «оттепели».

Еще накануне, в четверг, на ПБ, М.С. заявил: «Я им (!) завтра скажу…» (это – как реакция на очередную порцию атак на прессу со стороны присутствовавших секретарей ЦК республик!).

Начал с обычного, даже оговорившись, что приходится повторять банальности: перестройка проходит, может быть, самый трудный свой перевал. Все напряжено. Но как трудно ни было бы, я с курса не сойду. Меня обвиняют, что сижу на двух стульях. Нет. Я – на одном стуле, на стуле перестройки. Но «вы» что делаете! (Он все время обращался к аудитории – «вы», т.е. без разбора). Одни кричат о катастрофе, другие запугивают переворотом. Полторанин пишет и вещает (в ВПШ), что бунт все равно будет. Только вот, если, - заявляет он, - пойти по пути, который предлагает Межрегиональная группа депутатов - МГД- (Полторанин член этой группы), жертв будет 5 миллионов. А если и дальше идти по горбачевскому пути – 100 миллионов.

Это мы уже слышали, - продолжает М.С. Узнаете? Кто-то из зала – Мао! Правильно. Народ действительно возбужден, нервы напряжены, мы по колесо в керосине. А кое-кто не смущаясь, бросается спичками. Вот Заславская. Заявила по TV, что мы неминуемо идем к карточкам на хлеб. Ну и что? Народ побежал скупать муку. Все мукомольные заводы в стране заработали в 4 смены. Но все равно не напасешься. Все сметут. Вот что вы делаете!

Шеварнадзе взял с собой в США Шмелева (ученый-экономист). (Продолжаю излагать Горбачева). Состоялся разговор с Бейкером. Он хоть и государственный секретарь, но известный финансист, был министром финансов. Говорит им: мы у себя подсчитывали, ЦРУ провело анализ. И у нас не такое пессимистическое заключение о перспективах советской экономики, как дают экономисты у вас (в СССР). Шмелев ему: нет, вы ошибаетесь, СССР катится к катастрофе. Вернулся в Москву и опубликовал в «Вечерке» статью, доказывая, что Бейкер не прав. До чего же мы дошли!

Массированные атаки на партию. Мне говорят: это, мол, откровенный анализ положения в КПСС. Но я не наивный человек и могу различать, где анализ, а где клевета и дискредитация, подрыв позиций партии – целенаправленно перед выборами в республиканские и местные советы.

Рядом с этим – поношение руководства, Генерального секретаря. Рассуждают: оно не имеет концепции, оно не знает, что делать, на полумерах губит перестройку, ведет дело к мятежу. Везде тупик – в отношениях с рабочим классом, в национальных делах. В Закавказье гражданская война, а оно, руководство, навязывает постные законы, вместо того, чтобы решать политически, к чему сама призывает…

Каков вывод у вас? А вот какой: есть альтернатива Горбачеву и его команде – Лукьянову, Ненашеву и т.п. Вон сколько умных голов появилось. Свет клином не сошелся.

Под это же дифференцируют народных депутатов. Одних восхваляют, других унижают. Алексеев, мол, ничего, но куда ему до Собчака! И этим занимаются даже

«Известия». А АИФ дошла до того, что опубликовала имена 100 депутатов и рядом - «социологический» опрос: больше всех очков, конечно, «свои». Возглавляет список популярности Сахаров, а замыкает Шевченко (женщина с Украины). И это – наука!

Я бы на вашем месте - обращается он к редактору АИФ…, он здесь? (тот поднимается) – после такой публикации, как коммунист, подал бы в отставку. (На самом деле он мне накануне сказал, что снимает его!).

МГД в Ленинграде собрал свой «форум». Так у них же там уже свое готовое Политбюро на замену нашему и свой Генсек, и президент есть – Ю. Афанасьев. Программа есть: многопартийность, рыночная экономика, каждый, кто хочет, пусть уходит из СССР (в первую очередь Прибалтика…), свобода печати, ну и т.д. Я не знаю…, почему мы терпим таких людей в партии. Если Афанасьев стоит на другой платформе, пусть уходит из партии и занимается своей программой. Не нужны нам такие «коммунисты». Теперь другие времена (в смысле, мол, не посадят)… Но раз не согласен с партией, чего ему в ней делать? Я думаю, что МГД и КПК должны разобраться с т. Афанасьевым. И нельзя терпеть, чтоб такой человек возглавлял Институт и воспитывал наших студентов. С этим тоже надо разобраться.

Такая вот речь.

И опять и опять любимая игрушка: консолидация. Хватит скандалить и склочничать перед всем народом (между журналами и газетами), - продолжил М.С. Какая же у нас гласность? Берешь в руки журнал и если в оглавлении какой-то вопрос – заранее знаешь, какая будет позиция. Дают слово одним и зажимают рот другим – «чужим». «Огонек», правда, один раз недавно напечатал «противника» (видимо, о Кожинове идет речь), но тут же дал ему редакционный отлуп.

(Я, кстати, не раз говорил М.С.: смеются люди над этим его требованием – на то и разные журналы, чтоб у них были разные лица. Так всегда было и в России, и во всем мире. Если Вы – за гласность, нельзя настаивать на единомыслии. Это – не логично. Но он уперся….)

А телевидение, продолжал М.С. Это же разгул безответственности и подстрекательства. Люди начинают выключать приемники. Слушаю тут как-то «Маяк», передают песни 50-60 годов, потом диктор объявляет: «А теперь будет рок-музыка, любители предыдущей передачи могут выключить - все равно ничего не поймете!» Зачем это? Что это за обращение с людьми!

Вспомнил М.С. статью Мариничевой в «Комсомолке» неделю назад (я тоже обратил на нее внимание и тоже, как она сама чуть не разрыдался). Заголовок: «До основания, а зачем?» И «Гренада» Светлова. Об идеалах, на которых выросли поколения. Нельзя их топтать только за то, что их испоганил Сталин. Иначе – пустота и бездуховность.

М.С., которому, кстати, я хотел послать этот номер «Комсомолки», оказывается, сам обратил внимание на статью.

Вот так!

Утром вчера звонит мне: «Ты был?»

- Нет. Не было времени. Но знаю, что было. Мне подробно рассказали…
- Да, вот решил перейти в наступление. Они, как мне потом передавали, «обменивались» (любимое словечко): мол, действительно, мы (пресса) перешли черту. И знаешь: никто не захотел после меня выступать. Молчание. Я несколько раз предлагал. А потом сказал: Ну, раз так – до следующей встречи.

Решил не публиковать своего выступления (говорил почти два часа).

- Это правильно, - сказал я. Фамилии названы, пойдут круги. Но они и так пойдут… И Вам припишут такое, чего и не было…
- Ладно…

И перешли к финансовым делам.

Спрашиваю Сережу Морозова: М.С. был раздраженный (на встрече)?

- Да, в общем нет. Говорил как всегда, если без бумажки – страстно. Но иногда, действительно, заводился, глаза чернели, видно, что довели его некоторые.

Думаю про себя: Он, может быть, (и скорее всего) не хочет отката гласности. Но, видно, считает (не без «подсказок» из публикаций Клямкина и даже Алексеева), что пора и авторитарность употребить, не то раскачают и растащат империю.

Но пока полки пусты, пока бушует преступность – если не закрывать перестройку – движение уже не остановишь. А такие вот ходы, как с Афанасьевым и Старковым (газета «Аргументы и факты») только дискредитируют его лично. Такое мы уже проходили (при Никите) и все помнят, чем кончилось.

Очень важно для него сохранить image, каким он сложился в первые годы перестройки. Если будут стираться грани в этом облике между ним и Лигачевым (тот ведь тоже за перестройку), все пропало.

Но Горбачева заносит… Не забыть бы описать «русский вопрос», который он очень запальчиво поднял на ПБ в связи с директивами Рогачеву (зам. МИД) на переговоры по пограничным вопросам с китайцами.

15 октября 89 г.

Телефоны домой оборвали: М.С. ищет. Соединили с ним. Всю финскую программу поломал. Койвисто взбесится. Дал задание сделать ему для Совета обороны несколько страниц с оценкой внешней политики за время перестройки, объяснить почему все же надо крепить оборону. Это на завтра. Но завтра еще две речи для Финляндии и материал к встрече с Папским нунцием, а потом еще к Международной комиссии ВС по афганскому вопросу.

Когда я все это могу сделать?! И доколе! Как просто у него все – мы (я) инструменты, которые все могут, раз ему надо.

16 октября 89 г.

Реакция на встречу с прессой. У участников она такая: если Горбачев так с нами, преторианцами перестройки, то мы найдем себе другое место. Если он всех таких, как Собчак, Заславская, Шмелев, записывает в лагерь противников, то с кем же он хочет делать перестройку?

В самом деле, массовая база у М.С. – интеллигенция. Рабочий класс – за Ельцина. На что же Горбачев рассчитывает, присоединяясь к лигачевизму в отношениях с интеллигенцией?

Если с Афанасьевым затеется «дело» (а оно затеется, потому что первичная парторганизация его исключать не будет, значит сделать это должен КПК вопреки всякой демократии), то тем самым открываются ворота для многопартийности, аргументов для сохранения монополии КПСС не остается.

Если он призывает к консолидации, а сам прибегает к оргвыводам, тогда конец гласности. Значит, каждый теперь должен действовать не по совести, а приглядываясь к тому, что подходит начальству.

И, следовательно, прощай призывы самого М.С.'а «давайте вместе». Теперь получается – «давайте как я хочу, как меня устраивает».

Ельцин, опомнившись от «покушения» на него, а на самом деле от пьяного мордобоя за его приставания к чужой жене, собрал митинг. Смысл этого митинга: Горбачев окончательно исчерпал себя. Его надо немедленно убирать.

Но, увы, М.С. предложил исключать и снимать с работы не Ельцина (хотя есть решение Пленума ЦК), а Афанасьева и Старкова.

И теперь, Ельцин и К^{o} вместе с Афанасьевым и К^{o}, которым нечего терять, мосты у них сожжены, бросятся в отчаянную атаку. Говорят, на 25 октября назначена демонстрация у здания ЦК с требованием убрать троих – Лигачева, Зайкова, Воротникова. Пока так!

Даже Рыжов (директор МАИ и ныне председатель комиссии Верховного Совета по науке) выступил вчера по телевидению с ельцинских позиций. А ведь он – в друзьях у М.С.

Словом, эта «встреча с прессой» была ошибкой. С таких вещей начинается путь, по которому пошел Хрущев.

Я весь день писал речь, которая будет произнесена во дворце «Финляндия». Сочинил материал для Совета обороны. Сделал еще сотню мелких дел и звонков. Опять подводит МИД. До сих пор нет ни проекта речи на обеде у Койвисто, ни материала для переговоров с ним.

Ковалев болтун и очень уж мелкотравчат для первого зама МИД.

Сочинил я проект письма Горбачева к Бушу, его повезет с парламентской делегацией Примаков.

23 октября 89 г.

М.С. по капле выдавал мне свои соображения и редактуру к текстам для Финляндии, убавлял мои комплементы в адрес финнов. И объяснял мне: чтоб наши прибалты не позавидовали такому обращению с Финляндией и тому, какими они тоже могли бы быть, если бы…

Начитался я вчера западных анализов нашей экономики и их рекомендаций. Много (кроме, конечно, Пайпса и Бжезинского) - с позиций заинтересованности в успехе перестройки. Успеха, в основном, по-тэтчеровски. Но наиболее серьезные из них – и с пониманием, что мы не можем превратиться целиком в западное общество. Есть и такие, которые предрекают «советское экономическое чудо», если…

Общее у них то, что надо бы Горбачеву, наконец, решиться на прорыв, не тянуть, не осторожничать, уйти от половинчатости, так как время работает против него. Неизбежны тяжелые времена для определенной части общества. Но есть мировые законы оздоровления экономики и никому еще не удавалось их обмануть.

Общее у всех и другое – персонификация нашей реформы. Все апеллируют к личности. Вот, если бы Горбачев сделал так-то и так-то… Если бы он решился на то-то и то-то…, если бы провел такую-то меру и etc.

Но беда заключается в том, что Горбачев уже не властен ничего решительного сделать, даже, если бы и решился. И не потому, как они там на Западе думают, что существует еще Лигачев, аппарат, бюрократия, а потому, что у Горбачева нет механизма приведения в жизнь своих решений. Их некому проводить. Партию уже не признают в качестве начальства. Советы по-прежнему беспомощны. Хозяйственники - между двух стульев: и указаний сверху не поступает, и свободы распоряжаться собой нет. И не знают к кому тыркаться, чтобы их предприятия функционировали во взаимосвязи с другими, иначе они просто встанут. Аппарат на всех уровнях деморализован или, скрестив руки ждет, когда все это завалится. Номенклатуре все равно уже терять нечего.

Горбачевский лозунг «включить человека» повис: наш человек без поводыря оказался заброшенным. И озлоблен, потому что ничего нет и не у кого теперь просить и требовать, остается только кричать и поносить.

Опасно поднимает голову рабочий класс. И в лидеры его выводят профсоюзники и партийные боссы райкомовского звена, которые поняли, что места им (на предстоящих выборах) могут спасти только махровый популизм и демагогия, нацеленные на самый верх. Митинги разных «фронтов трудящихся» проходят под транспарантами: «даешь марксизм-ленинизм!», «перестройку – по-социалистически, а не по-капиталистически» и т.п.

А М.С. продолжает заигрывать со всякими Яриными (рабочий вожак из Кузбасса). На митингах требуют этого Ярина ввести в ПБ. И здесь идеология подставляет ножку перестройке, не только в экономике и гласности.

Егор Яковлев позвонил мне. Просил, чтобы М.С. принял его, Гельмана, Адамовича и Климова. Я написал Горбачеву записку об этом. В субботу он долго говорил мне по телефону, чтó передать Егору. Очень хвалили всех четверых, каждому дал точную характеристику, обещал с ними встретиться, но сейчас нет ни минуты, а он хотел бы поговорить всерьез, тем

более, что, как мне объяснил Егор, они намерены «раскрыть Горбачеву глаза» на реальную идеологическую ситуацию в Москве. М.С. велел мне пока разъяснить Егору и К°, чтобы они не паниковали, чтобы постарались его понять: его главная задача – спасти курс и от правых и от леваков. И те и другие ездят по стране и поднимают народ против Генсека, против перестройки. Если это им удастся, тогда конец.

Думаю, он понял, наконец, опасность Яриных, но гнев свой обращает против Ю. Афанасьева и его компании, хотя и сделал после «встречи с прессой» ход конем: снял другого Афанасьева (Виктора) с поста редактора «Правды».

Сегодня на сессии Верховного Совета опять Горбачев выступил против избрания его президентом всенародным голосованием. «Видели мы, куда заводят спасители отечества», - заявил он. Я смотрел в это время на лица депутатов: насмешливые, ироничные. Его перестают брать всерьез с его нескончаемыми призывами: «давайте жить дружно», «мы на правильном пути, а это главное» и т.д.

Сам он этого вроде не чувствует. По-прежнему верит в свою способность убеждать кого угодно. По-прежнему ведет себя с Верховным Советом и с другими претендентами на власть патерналистски. Читает морали и увещевает, берет на себя «окончательные выводы» из того, что говорят другие и что обсуждают.

29 октября 89 г.

25-27 октября в Финляндии. Ошеломляет успех Горбачева. Он объединяет все темпераменты. Разгадка – не только в его личном обаянии и умении почти безошибочно найти оптимальный вариант, как с кем общаться, что говорить. Покоряет его откровенность о нас самих, в том числе его разидеологизированность, хотя это перестает уже работать: все и так всё у нас видят.

Второе впечатление – мы отстали безнадежно. Правда, некоторые на Западе предсказывают советское экономическое чудо, если мы пойдем, наконец, «их путем». Но и в этом случае нам нужно не менее 10 лет. М.С. упустил время, все осторожничал, все боялся за социалистические ценности, хотя и понимал, что ценности эти – уравниловка, социальный эгоизм, иждивение на шее государства.

А теперь эти соцценности оборачиваются против него, потому что возникает рабочее движение со своим естественным, тредъюнионистским законом: «дай мне, а на остальное наплевать».

Финляндия – не знаю, в Японии не был, - но то, что здесь – это, действительно, современное цивилизованное общество, благополучное и высокоразвитое, без разницы между столицей и каким-нибудь провинциальным городком Оулу.

Визит проходил на фоне политических забастовок в Воркуте и гражданской войны вокруг Карабаха. Когда показывают по телевидению наших там солдат, перестаешь что-либо понимать: по ним стреляют, против них вооруженные засады, местная власть их не пускает, куда не хочет пускать, и они ничего не могут поделать.

Горбачев спокоен. И весь мир этому удивляется. Ставит ему в заслугу. Опять он, будучи в Финляндии, развивал свои идеи нового мышления, продолжает расширять его содержание по сравнению с речью в ООН и в Страсбурге.

Третье впечатление сугубо личное. Мне перестает хотеться ему служить. Конечно, всегда можно себя успокоить тем, что ты служишь не ему, а делу – стране, миру, чтоб не было войны, чтоб здравый смысл победил у нас милитаризм и нашу милитаристскую психологию. И т.д. Но все таки, служишь ты именно ему. Конечно, он очень крупная фигура, политик мирового класса, сумел использовать все, что только можно для действительно коренного и уже необратимого изменения ситуации. Но его мысли и его действия при выходе во внешний мир нуждаются в огранке. Иногда он и в чужих мыслях нуждается. И вот этим занимаюсь я. Не всегда один. При подготовке материалов для него, участвуют МИД, Международный отдел ЦК, академические институты и другие ведомства. Но они дают

полуфабрикат, окончательный продукт выпускаю я, окончательная форма принадлежит мне, а в таких вещах форма, действительно, содержательна – каждое словосочетание имеет значение. И именно я сочиняю сообщения для печати о его встречах с представителями западного мира. По ним, по этим публикациям мир судит, что имело место. Его встреча с кем бы то ни было становится политической акцией тогда, когда она вышла в печать. У нас эта форма, изобретенная мной, заменяет интервью, которые дают иностранные собеседники Горбачева прессе по окончании встречи.

Не думаю, что всего этого Горбачев не понимает. Но за четыре года, как я при нем, он ни разу ни мне самому, ни тем более другим, никак это не «обозначил».

Вчера был у Брутенца в больнице на Мичуринском. Он с инфарктом, который у него случился в Дублине. Проговорили часа полтора - о том, прежде всего, куда мир катится, и что на этот счет думает Горбачев. Я высказал свое убеждение, что М.С. искренне верит в свою формулу: «социализм – творчество масс»… Вот пусть они и творят, а что получится, посмотрим.

Карэн согласен, но добавляет: нужно при этом все таки и управлять.

Я ему: а как управлять, когда нет механизмов для этого? План можно, конечно, составить, но никто теперь не захочет жить по какому-то ни было плану – нажились по планам! Да, если бы и захотели, уже не смогут. Мы достаточно убедительно доказали всем и самим себе, что общество по плану развиваться не может. Государство – может…до какого-то момента, пока окончательно не оторвется от общества.

Поговорили мы и о том, что М.С. все больше включает личностный момент в кадровую и вообще политику. Это его дискредитирует. Самые опасные симптомы личностной реакции – отношение к Ю. Афанасьеву, делу Старкова, дифирамбы в адрес Ваньки Фролова и сам факт, что этого своего помощника он назначает редактором «Правды».

За пару дней до поездки в Финляндию, приходил ко мне А.Н. Яковлев. У него та же тема горбачевской неблагодарности. За пять лет совместной работы и даже за то, чему Яковлев был инициатором, он не получил ни одного «спасибо». Дружеское расположение, доверие (а иногда игра в доверие) – это да. Но так, чтобы «отличить» или воздать – ни-ни. Дело скорее всего в том, что Горбачев не хочет ни перед ПБ, ни перед ЦК, где Яковлева ненавидят, ни перед обществом идентифицировать себя с ним и тем самым окончательно противопоставить себя Лигачеву. Держит А.Н. как бы «для себя»: что-то может подсказать, посоветовать, что-то написать по поручению.

А.Н. жалуется: во время перестройки все бывшие и нынешние члены ПБ выступали с докладами к 7 ноября (годовщина Октябрьской революции) или к ленинским дням. Яковлеву это ни разу не было поручено. И на этот раз Горбачев назначил для доклада новоиспеченного члена ПБ Крючкова. А.Н. переживает. И в который раз «советуется» со мной – не уйти ли ему в отставку. Я, конечно, протестую, хотя понимаю, что туто с его стороны – желание выплакаться. Но и по делу: если он уйдет, тогда уж явно все поймут, что гласности конец и что Горбачев, действительно, начинает повторять Никиту.

Когда я провожал его до двери, он мне шепотком говорит: Слушай, а что это он (М.С.) который уж раз заговаривает со мной – не уйти ли ему на покой?

Меня это не удивляет, - ответил я. Бывая с ним в отпусках, иногда в самолете втроем с Р.М. я это уже слышал. Идея принадлежит ей. Прошлым январем в Пицунде и этим летом в Форосе она почти всерьез, при мне, убеждала его: пора, Михаил Сергеевич, уходить, замкнуться в частной жизни и писать мемуары. Ее влияние на него нельзя недооценивать. Однажды она прямо так и сказала: «Михаил Сергеевич! Ты свое дело сделал…»

Перечитываю «Гулаг» в «Новом мире» № 9 – о 1917-21 гг… тенденциозно о терроре и т.д. Не исторично. Но… М.С. еще год назад на ПБ заявлял, что не допустит публикации. А теперь «Гулаг» пошел и по правым и по левым журналам. В следующем году уже собрания сочинений будут выходить. И главное, как В. Астафьев в «Комсомолке» недавно: это удар

уже не по идеологии Октября, а по всей истории – будто мы «действительно строили светлое будущее». Удар оружием нравственности. Сила языка. Тут он велик в своей истовости.

6 ноября 89 г.

«Ты уж нас прости, ведь мы тоже тебя простили». Это слова М.С. на ПБ Лигачеву, который по поводу очередного возмущения прессой с горечью, махнув рукой сказал: «Вы все расстреляли, все втоптали в грязь, - и прошлое, и настоящее, ничего не оставили»

По поводу очередной истерики Рыжкова, - что, мол, со всех сторон кричат о кризисе: «экономика – в кризисе, общество – в кризисе, партия – в кризисе, снабжение – в кризисе, всё!» М.С. заметил: Но они ведь только повторяют, что мы сами сказали, в том числе на XIX партконференции… Вот, когда о катастрофе, - тут я не согласен.

В связи с созданием в правительстве РСФСР Госкомитета по национальному вопросу М.С., видимо, вспомнив записку академика Гольданского, которую я ему посылал, промолвил: и насчет антисемитизма надо посмотреть… Тут же последовала реакция Лигачева: ну, тогда и о русофобии. М.С. (действует на него Лигачев не личностью, а тем, что за ним стоит в стране) сразу замялся, добавив: да, конечно, и о русофобии – тоже!

В «Дружбе народов» опус Н. Бердяева: «Христианство и антисемитизм»… Вот с помощью этих наших русских классиков надо давить «Память». Ничем другим их не возьмешь. Не их, а ту вонь, которой они наполняют общество.

Я устаю от Горбачева, вернее от его инструментального отношения ко мне. Он настолько уверился, что, если я чем-то занимаюсь, то все будет в порядке, что совсем перестал «разговаривать». Теперь он не советуется со мной, а изредка изливает душу. И почти никогда заранее (как было раньше) не формулирует идеи задания, которое дает. Мне самому все приходится придумывать. Так было со всеми последними визитами: в Англию, ФРГ, в Париж, Страсбург, в Финляндию.

И начал спихивать на меня все заготовки своих посланий лидерам, приветствия всяким конференциям и юбилеям. Тьма тьмущая первоначальных авторов: МИД, ССОД, Международный отдел, Комитет мира и т.д., но они дают «жвачку», как он выражается, и перестал их смотреть в первоначальном виде. Если уж какой-то текст послания, телеграммы от его имени, приветствия помимо меня попал в опрос по ПБ и если я его нагло правлю после того, как расписались многие члены ПБ, он ставит свою окончательную подпись, «с учетом» моей правки, изредка поправляя и меня.

Я занимаюсь самокомплементами. Но мне это (искренне) не нравится. Я вышел… и уже по возрасту «ушел» из пономаревской школы, когда качество определялось – понравится ли начальству. И вот такая работа отнимает у меня 60-70 % времени, лишает возможности серьезно и по-крупному думать на перспективу и по существу больших проблем – либо это делается в перенапряжении и спешке.

Он, видимо считает, что у меня нет «личной жизни» и не может быть «свободного времени». Потому, что звонит в субботу, в воскресенье, поздно вечером, иногда в 12 часов и, если меня не оказывается, недовольно шутит. Да, конечно, у него: ЦК, Кремль, дом, дача с Раисой Максимовной. Всё! У меня – аналогично, но пока еще не совпадает. Я обманываю свое реальное время. Но времени для такого обмана – крайне мало.

Его очень беспокоит, что лидеры региональной группы депутатов (Г. Попов, Ельцин, Афанасьев…) сомкнулись с «рабочим движением» – Воркутой, Свердловском, Кузбассом, с националами. Они их идейный штаб. Союз кооперативных обществ заключил, например, с воркутинским стачечным комитетом договор о материальном обеспечении (печатные станки, бумага, пособия забастовщикам), т.е. дает забастовщикам экономическую базу. И все это – против горбачевской перестройки.

Аскольдов (режиссер, автор фильма «Комиссар», пролежавшего на полке больше 10 лет) – о встрече в Доме кино с Ельциным, Афанасьвым, Поповым. «Интеллигенция», стоя

много минут истерически аплодировала и визжала, приветствуя Ельцина… И так же реагировала на все антигорбачевские его и Ю. Афафнасьва выходки!

Пошло и позорно. Да, это и не интеллигенция… Она «взяла все от той классической российской, которую трижды мы уничтожили, лишь поверхностные ее признаки, а сутью и не пахнет.

10 ноября 89 г.

Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории «социалистической системы»

Вслед за ПОРП и ВСРП пал Хоннеккер, сегодня пришло сообщение об «уходе» Живкова. Остались наши «лучшие друзья»: Кастро, Чаушеску и Ким Ир Сен, ненавидящие нас яростно.

Но ГДР, Берлинская стена – это главное, ибо тут уже не о «социализме» речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь – конец Ялты, финал сталинского наследия и «разгрома гитлеровской Германии» в великой войне.

Вот что наделал Горбачев! Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей выйти в естественное русло.

И вот теперь – встреча с Бушем. Состоится ли исторический разговор? В инструкциях, которые он мне давал на подготовку материалов, было две идеи: роль двух сверхдержав для перевода мира в цивилизованное состояние и баланс интересов. Но ведь Буш может и не посчитаться… У нас ведь на виду, кроме прошлого и страха, что мы можем вернуться к тоталитаризму, ничего пока нет.

70-летие Слуцкого в Доме литераторов. Слуцкого я знал. Бывал у него дома, в его, действительно, барачной квартире у «Аэропорта», когда еще была жива его прелестная Таня.

12 ноября 89 г.

На работе я в цейтноте. Пора готовиться к Италии, к Мальте уже вплотную, а у меня текучка: Дюма, Зюсмут, Коль – (вчера М.С. говорил с ним по телефону). А вечером скинул опять на меня текст своего предстоящего выступления на студенческом форуме (после Медведева, Ивана Фролова, Яковлева). Весь вечер вчера и сегодня сидел над этим. «Обычная работа» – выявлять мысль с помощью литературного слова. Попутно убрал кое-что, например, опять ругань в адрес прессы. Не знаю, заметит ли.

Долго вчера разговаривал с ним. Он звонил из машины. Его задела записка, которую я ему написал о А.Н. Яковлеве (насчет того, как он его поставил под начало Медведева по подготовке съезда партии) и что это значит в свете предстоящего «диалектического преодоления Ленина»…

Оправдывался: мол, важно дело, а не амбиции (любимое словечко). А главное – ругал интеллигентов, которые его ругают за то, что он обрушился на левых. Обрушился потому, что интеллигенты провоцируют правых, «мобилизуют» их своими криками и атаками на Ленина, Октябрь, социализм… Поднимают панику, не понимая, что мне (Горбачеву) дорога вправо и назад заказана. Я обречен идти вперед и только вперед и, если отступлю, сам погибну и дело погибнет. Как же они могут думать, что я с Лигачевым т п.?! Ругался матом.

Между прочим, Яковлев мне рассказал, что он присутствовал при сцене, когда к М.С. зашел Ванька и сообщил: М.С., я в праздники был в нескольких своих компаниях и (говорил весь дрожа!) пришел к выводу, что я обязан Вам сказать: убирайте Лигачева. Презрение к нему и ненависть беспредельна. А главное – растет ощущение, что Вы с ним заодно! И только делаете вид, что Вы перестройщик…

Я спросил у А.Н. – как реагировал М.С.? Заходил, говорит, по кабинету. Молчал. Потом сказал: Ну, и задал ты мне задачу… На этом эпизод закончился.

31 декабря 89 г.

Эта последняя записка ушедшего года. Я хочу подвести ему итоги – в форме «новогоднего» обращения к Горбачеву.

Для Вас это был год создания среды, чтобы подготовить выход из кризиса. 1990-ый будет годом решений. Они зависят от Вас (увы, страна еще сохраняет инерцию культа личности). Вы опаздываете. В журналах уже пишут, что Вы остановились. Гефтер в «Московских новостях» пишет: Горбачев застрял, потому что не оппонент самому себе. Я с Вами четыре года. Изнутри наблюдаю, как Вы, апеллируя к Ленину, отказываетесь от собственных постулатов, если жизнь их опровергает. Очень еще много у Вас страха, что все посыпется, если отказаться от всех «старых рычагов» и устоев.

И Ваши бесконечные ссылки на социалистические ценности, которые уже никакой цены не имеют (вроде права на труд, социалистическую защищенность и проч.), всем надоели.

И этот Ваш отказ от того, чтобы осенью (1989) ввести законы о земле, собственности, республиканской экономической самостоятельности, распределении прав между Центром и местами!.. Вы мне в Крыму, в августе, об этом говорили. Более того, заставили подготовить выступление по ТВ, где хотели это обещать всей стране. (Оно не состоялось).

Теперь, именно Вы добились того, что эти законы были отнесены на 90-ый год. Почему?

Вы боитесь этих законов. Но ведь Вам придется на это пойти. Сколько Вы сопротивлялись на ВС законам об экономической самостоятельности для Прибалтики? А накануне решающего заседания по телефону мне сказали: Решился. Это - крупнейший шаг.

Вы затеяли дурацкую историю с Комитетом конституционного надзора на Съезде. Все видели нелепость Вашего упорства и отсутствие аргументов. Дважды Съезд лихорадило из-за этого: когда включали в повестку и когда принимали постановление. Но Комитета-то все равно нет! Избрали лишь председателя и зама, а он вроде (по закону) приступает к работе с 1 января! Абсурд.

Почему Вы это делали? Соломинка – чтоб спасти Союз от развала, чтоб иметь узду для республик. Но это – уздечка натянется и лопнет при первом же малом повороте.

Вы отчаянно, с помощью съездовского «послушного» большинства боролись против упразднения пункта 6 из Конституции. Я могу понять Ваши опасения: начнется «погром» райкомов и обкомов, лишение их партийного имущества, которое они создали за народный счет. ПБ потеряет легальное право быть на деле властвующим верховным органом. Но ведь это неизбежно. Зачем тянуть, вызывая все большую ненависть в населении к партийной монополии на власть? И это при том, что властью-то этой она уже не может пользоваться. Посмотрите за заседания ПБ… обсуждают, критикуют, заслушивают, плодятся по-прежнему длинные бумаги постановлений – но они, кроме как - поставить Ираку или Ирану еще партии оружия, фактически не исполняются.

Вы «в душе» взяли курс на перемещение реальной власти в Верховный Совет – от партии. Так чего же Вы боитесь – Лигачева и его кодлы на Пленуме? Есть такое подозрение: на Пленумах он сидит рядом с Вами, предоставляет слово то одному, то другому (вроде «второй» после Вас человек)! Вы с ним все время в общении: шутите, смеетесь, обмениваетесь, шепчетесь, всячески показывая, что Вы и он – душа в душу. Но это же лицемерие. И оно дезориентирует людей…

Вы, действительно, его боитесь? Вы думаете, что он – партия? Тогда у партии дела плохи. И тогда, действительно, надо скорее перемещать власть в Верховный Совет. Создавать правительственный кабинет при президенте.

В ходе Пленума за кулисами, за чаем, Вы решили «дать бой», угрожая подать в отставку. Вас стал уговаривать Рыжков: мол, вместе начали и т.д. Всерьез Вашу угрозу не

приняли. Но Яковлев обещал подать в отставку, если и впредь на ПБ и на Пленумах будут с ним обращаться как с мальчиком для битья.

М.С. делился со мной «ощущениями» о Пленуме, который, по его словам, был хуже и декабрьского (9.12.) и апрельского. Я ему сказал, что с такими Пленумами надо кончать, если он хочет сохранить партию для перестройки. Этот Пленум, это ЦК в большинстве своем не только не приемлют перестройку, они ненавидят Вас. Мои ребята из Международного отдела, Остроумов, помощник Яковлева Косолапов, сидели на балконе рядом с генералами. И как и на прежних Пленумах, они слышат злобные реплики «про между себя». Когда на декабрьском Пленуме Горбачев заявил, что уйдет (после выступления Мельникова, заявившего, что Горбачев делает такую политику, чтобы понравиться буржуазии и Папе римскому), генералы почти хором: Давно пора! На последнем Пленуме Горбачев опять «стукнул по столу» - в связи с требованием запретить «Саюдис», исключить Бразгаузскаса из партии. Заявил, что политику он будет и впредь проводить только такую, какую проводит, и никакую иную, и крови он не допустит. Он свой выбор сделал. Иначе уйдет. Генералы на балконе на это реагировали: Тоже мне, испугал, шантажирует, в самый раз бы тебе уйти!

В зале, где проходит Пленум, образовалось как бы «пятно» из нескольких рядов 10*20 кв. метров. Сидят там человек 150-200. Тут сконцентрированы те, что шикает и захлопывает любую разумную мысль.

Когда обсуждали итоги Пленума на ПБ, Горбачев задал вопрос: а почему другие, т.е. перестроечники молчат? Он задал этот вопрос и мне. Я ему ответил: они молчали, пока Вы не взорвались, не произнесли свой очередной, блестящий экспромт. До этого они просто не знали, **как** Вас поддерживать. Ведь Вы и на Съезде, и на декабрьском Пленуме выпускали вперед Лигачева, а он опять произносит речи против Вас, против всей вашей философии и политики. Во время Съезда, за сценой, во время перерыва Вы даже похвалили Лигачева за его, по сути, антиперестроечное выступление: он, де, защитил партию! И на этом Пленуме Лигачев произнес речь, которая вдохновила его сторонников в этом «пятне». Они увидели, что, значит, можно опять Вас крыть.

Что касается Вашего доклада о Литве, то там было и то, и то. С одной стороны – клятва, что Вы никогда не пойдете на насильственные меры, с другой – совершенно непонятные выводы насчет того, что Вы собираетесь делать, чтобы Литву удержать. Эту двусмысленность каждый мог трактовать по-своему. Перестроечники (т.е. члены ЦК, готовые Вас защищать) боялись попасть впросак, не понимая Ваших действительных намерений. И только, когда Вы «стукнули по столу», на трибуну пошли Ульянов, Захаров, Иванова, Новожилов и др. Лигачевцы сразу присмирели. Вот, говорю, Вам и объяснение. Партия ждет от Вас ясности. Еще Сахаров произнес: Горбачев должен, наконец, определиться, с аппаратом он или с народом. В самом деле: пока Вы обнимаетесь прилюдно с Лигачевым, ненавидя его, обновления в партии никакого не будет.

М.С. умеет хитрить, да еще как! На Съезде записалось для выступлений 1500 человек. Выступило четыреста с чем-то. Но Ю. Афанасьеву Горбачев дал слово, хотя знал, с чем тот пойдет на трибуну – выступит против экономического плана Рыжкова. Воспользовался М.С. Афанасьевым, чтобы в своем заключительном слове связать план Рыжкова с неотложностью принятия на первой же сессии Верховного Совета законов о собственности, земле, региональной самостоятельности и т.д. Поставил их не просто в связь друг с другом, а обосновал успех плана принятием этих законов.

Не пойму: это интуиция политика или же опять страх порвать с «друзьями» в ПБ. Ведь план Рыжкова утвержден не только на ПБ, но и на декабрьском Пленуме.

Мои оценки сошлись с оценками Яковлева. Он пришел ко мне на третий день после разговора с М.С. И уж не знаю, действительно ли сказал ему то, что он доверил мне: «Михаил Сергеевич, вот в тот момент, когда Вы взорвались и произнесли возмущенные слова против погромщиков («дрова рубить», «кровь», «исключать», «гнать»), Вам бы тогда встать и уйти заявив, что с таким Пленумом Вы иметь дело не хотите и не будете. Я бы на Вашем месте,

продолжал А.Н., так бы и сделал. И уверяю Вас, что тут же бы ушли Медведев, Шеварнадзе, Крючков, Слюньков, а может быть и Рыжков».

Я добавил к этим словам А.Н.: Поднялись бы и ушли из зала не менее сотни. Раскол? Ну и что! Когда-то надо на это идти. Дальше в перестройку ехать с этой публикой нельзя: либо она Вас погубит вместе с перестройкой, либо ее надо отсечь, может быть, вместе с КПСС, какой она сейчас является – номенклатурной.

Спросил как-то меня М.С. по телефону, думаю ли я о платформе к январскому Пленуму ЦК, т.е. для предсъездовской дискуссии. Думаю. И написал проект платформы. Отправил ему. Никакого отзвука. Уверен, что Пленуму будет предложена очередная 80-100 страничная бодяга, сочиненная под водительством Медведева.

Горбачеву предстоит ехать в Литву, которую я давно советую ему «отпустить», как Латвию и Эстонию. Шахназаров предложил ему ехать не с увещеваниями и уговорами, а с предложением заключить договор об их отношениях с Советским Союзом (они ведь в 1922-24 годах союзного договора не подписывали, как впрочем, и многие другие, включая Среднюю Азию). Но он опять будет тянуть и только усиливать напряженность, как это уже было с признанием тайного протокола Рибентроп-Молотов два года назад. А ведь тогда можно было не допустить, чтобы эта проблема стала символом сепаратизма и спровоцировала стокилометровые цепочки со свечами и факелами в день 23 августа. Думал обойдется. Не обошлось, Михаил Сергеевич! После Комиссии Яковлева (о Пакте 1939 года) Съезд принял еще более резкое постановление, фактически осуждающее Пакт, чем, если бы своевременно признать его хотя бы ошибкой…

* * *

1989 год. Итог

Обращаю внимание читателя на последнюю запись этого года – 31 декабря. Там фактически подведены его итоги, как они представлялись в то время.

А теперь - как они выглядят в глазах автора записок с более чем десятилетней дистанции.

В этом году **советское** государство как таковое начало рушиться. Центр власти – Политбюро – утратило авторитет и возможность добиваться выполнения своих решений. Оно стало местом дискуссий о неумолимо ухудшавшемся положении в стране. Фактически раскололось на горбачевцев и лигачевцев. Но и в каждом из этих направлений тоже не было согласия. Все более опасным для перестройки становилось упорное нежелание расколоть партию, сбросить бремя ее реакционной части.

Партия на местах стремительно теряла властные функции. Советы оказались неспособными их взять на себя. Остается удивляться, как государство смогло просуществовать еще два года… В основном, видимо, за счет наработанной десятилетиями инерции горизонтальных экономических и административных взаимосвязей на значительной части страны. Советская власть вместе с КПСС теряла легитимность.

Общественная жизнь вышла из под контроля Центра. Шквальная критика (фактически разоблачение, дискредитация) советской системы и всей советской истории не встретила серьезного идеологического и политического сопротивления.

Попытки Горбачева остановить этот разрушительный процесс уговорами и увещеванием интеллигенции не нашли понимания. А требования своих коллег по Политбюро – «власть употребить» он отверг: это поставило бы под вопрос всю его политику и «философию» перестройки, означало бы конец гласности и курса на демократизацию. В результате обвала идеологии «вынут» был один из двух главных стержней, на которых держалась стабильность советского общества. Другой – страх, репрессии – был отменен Горбачевым еще раньше.

Возникло огромное количество всяких политических клубов, блоков, союзов, обществ, ассоциаций, «трибун», «Народных фронтов», «платформ», «движений» и т.д. Они не составляли единой оппозиции, но в целом представляли собой широкую антигорбачевскую и антикоммунистическую оппозицию, ориентированную на взятие власти. Оппозиция бурно росла вместе с резким ухудшением экономической ситуации («пустые полки магазинов»). Лидером ее выступала Межрегиональная группа народных депутатов (Ю.Афанасьев, Борис Ельцин, Гавриил Попов, Анатолий Собчак и др.) с программой, получившей наименование «Пять Д»: демонополизация, децентрализация, департизация, деидеологизация, демократизация.

Внутри самой партии возникло оппозиционное течение «Демократическая платформа КПСС», распространившее влияние на 40% членского состава партии.

Крушение плановой экономики приобрело необратимый характер, открыв простор «теневикам» и новым «хозяйственным субъектам», действовавшим по сути в частнособственническом режиме. В этой среде (в принципе воровской) концентрируются большие материальные ресурсы. Люди и группировки этой среды тоже претендуют на политическую роль, пока в основном «из–за кулис».

Взорвалась «национальная бомба». На Кавказе началась настоящая война из–за Карабаха между Азербайджаном и Арменией. Прибалтийские республики de facto вышли из подчинения Москвы.

Возник самый опасный для целостности «империи» российский фактор. И вместе с ним – «фактор Ельцина», который получил (помимо влиятельных политических сил) мощную поддержку в быстро сложившемся рабочем и забастовочном движении.

Парадоксом года явилось то, что по контрасту с развалом государства именно он принес всемирно–исторические плоды внешней политики Горбачева: выведены войска из Афганистана, выключен навсегда экспансионистский компонент из международной деятельности СССР, пала Берлинская стена и началось воссоединение Германии, состоялась встреча на Мальте,[x] означавшая прекращение «холодной войны», начался исход из «социалистического содружества» стран Восточной Европы и ликвидация там «коммунистических» режимов – в результате отказа Горбачева от насильственных методов его сохранения.

Записи 89–го года насыщены личными впечатлениями и переживаниями. В них много о Горбачеве как человеке и государственном деятеле, критических наблюдений за его поведением в разных ситуациях, которое бывало и противоречивым, и не всегда достойным его уровня.

Однако автор записей не склонен обвинять Горбачева в каких-то грубых ошибках. И вообще – не в ошибках дело. Советский строй давно, задолго до Горбачева, исчерпал свою историческую миссию в России, и был обречен на исчезновение. Перестройка объективно не могла уже его спасти, да и, как выяснилось, не имела такой цели. И никто уже не смог бы остановить поток событий, который подгоняла по–русски понимаемая «свобода», дарованная Горбачевым. И не случайно среди кадров, унаследованных от сталинистской эпохи, не нашлось людей, ответственных, компетентных и достаточно многочисленных, способных упорядочить движение к новому качеству общества.

[x] *К «тому» о 89–ом годе прилагается густо документированная статья автора этих записок о встрече Горбачева и Буша на Мальте. Опубликована в московском журнале «Новая и новейшая история», N 3 за 2001 год.*

Анатолий Черняев

ГОРБАЧЕВ–БУШ: ВСТРЕЧА НА МАЛЬТЕ (2–3 декабря 1989 года)

Встреча лидеров двух сверхдержав на Мальте оказалась как–то в тени в бурном потоке международных событий эпохи перестройки. Может быть потому, что не было подписано никаких совместных документов и даже не выпущено коммюнике о встрече. И сведения о том, что там происходило, можно было получить только от узкого круга присутствовавших там, а они не склонны были особенно распространяться, поскольку встреча носила в общем–то закрытый характер.[x]

Впоследствии на Западе появились статьи, посвященные «Мальте».[xx] В исследованиях о периоде перестройки – разделы. В них более или менее адекватно отражены итоги этой встречи.

У нас же мне не попадалось попыток серьезно оценить ее значение.[xxx]

Встреча на Мальте обозначила конец холодной войны.[xxxx]

Каковы предпосылки «Мальты»? Они и психологические, и ситуационные (т.е. случайные), и, конечно, политические. Не буду их расставлять по ранжиру.

Прошел почти год с инаугурации Буша. Его предшественник и «наставник» Рейган во время своего второго президентства встречался с Горбачевым 4 раза. Буш, вступив в должность, сделал длительную «паузу» – для «анализа и выработки позиции». Это вызвало недовольство не только в Москве. Американская пресса начала жестко критиковать новую администрацию, подозревая в намерении прервать тенденцию к улучшению отношений с СССР. Сам Рейган, положивши начало этой тенденции, публично выразил недовольство «паузой».

В мае в Москву приехал госсекретарь США Джеймс Бейкер: пауза закончилась. Президент и он, Бейкер, при поддержке посла в СССР Джека Мэтлока и ряда своих сторонников, но при сопротивлении довольно авторитетных лиц в Белом Доме и в Конгрессе, пришли к выводу, что они в своей политике в отношении Советского Союза могут попробовать выйти «за пределы сдерживания» («containment»).

Бейкер в своих мемуарах подробно описывает этот свой визит. Он увидел, что в Советском Союзе происходит действительно нечто серьезное и понял из длительных и очень откровенных бесед с Горбачевым, Шеварднадзе и другими, что «перестройка» – это не очередной «трюк Кремля», чтобы усыпить бдительность Запада, и что игнорировать стремление советского руководства к глубоким переменам внутри страны и в мире было бы ошибкой. Сделал заявление, удивительное в устах по сути второго лица в администрации «главной – по нашим понятиям – империалистической державы». «Провал перестройки – не в наших интересах. В самом деле – мы хотели бы видеть успех перестройки» (См. Baker J.A.III. The Politics of Diplomacy. N.-Y. 1995, p.73).

---

[x] *Сам М.С. Горбачев посвятил встрече на Мальте небольшой раздельчик в своих мемуарах «Жизнь и реформа», т.2, стр.142–149.*

[xx] *Впредь для удобства я буду употреблять термин «Мальта» вместо «встреча на Мальте».*

[xxx] *Особенно полно проанализирована «Мальта» Raymond L. Gorthoff "The Mediterranean Summit". Mediterranean@urtorly, vob.1. (Spring 1990), pp.14-24.*

[xxxx] *Это мое утверждение нуждается в комментарии. Что понимать под термином «холодная война»? Некоторые отождествляют ее с конфронтацией двух социальных систем, начинают с 1917 года и кончают 1991 годом – распадом СССР. Другие относят ее к периоду сразу после Второй мировой войны, то есть до речи Черчилля в Фултоне, концом ее читают «поражение коммунизма». И в том, и в другом варианте (как и в их вариациях) есть свои резоны. Однако, думаю, для историка, для исследователя важны четкие хронологические рамки, определенность дат, которые позволяют иметь дело с понятиями, ограничивающими предмет изучения, выводов и оценок. И здесь вступают в свои права «исторические символы». Такими символическими точками истории «холодной войны» являются – и для этого имеется масса веских аргументов – «Фултон» и «Мальта», 1946–1989 годы.*

Тем не менее, проблема возобновления процесса перемен в международном развитии, начатого при Рейгане, оставалась: с тех пор как в него «вторгся» Горбачев, он уже не мыслился без личного общения «главных фигур».

Другое обстоятельство, предопределившее Мальту, связано с тем, что надвигались «бархатные революции» в Восточной Европе, в странах–союзниках СССР.

Несмотря на то, что «имидж Горбачева» резко контрастировал с представлениями Запада о «советских вождях», несмотря на то, что его книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» разошлась миллионными тиражами в десятках стран на разных языках, американская элита не могла позволить себе забыть о 1968 годе в Праге. Получить уверенность, что подобного не произойдет, можно было только «на высшем уровне».

Однако по американскому графику официальная встреча планировалась на лето 1990 года. Этим Шеварднадзе с Бейкером начали заниматься еще летом 89 года. Но Буш решил поторопить события. Побывав с визитом в Варшаве и соприкоснувшись напрямую с ситуацией в Восточной Европе, он пришел к выводу, что дело со встречей не терпит отлагательств.

В июле в США «в гостях» у своего американского «аналога» генерала Скоукрофта (советник президента по национальной безопасности) побывал маршал Ахромеев. Кстати, произвел там сильное впечатление своей компетентностью, интеллигентностью и разумным подходом к проблемам контроля за вооружениями.

Буш попросил его, по возвращении домой, передать Горбачеву личное письмо, в котором и предложил встретиться накоротке, не дожидаясь официального визита Горбачева в Вашингтон (была его очередь).[x]

Горбачев в начале августа ответил согласием – и тоже личным письмом, которое отвез президенту А.А.Бессмертных, бывший тогда заместителем министра иностранных дел. В разговоре с ним Буш предложил провести встречу либо в Кэмп–Дэвиде (официальная резиденция президента США), либо в его личном загородном доме в Kennebunkport'е, либо на одном из островов вблизи Испании.

Горбачев не согласился. И тогда была придумана формула, которая устраивала обоих: к берегам Мальты подходят два военных корабля, советский и американский. Беседы проходят поочередно то на одном, то на другом. Никаких официальных церемоний, всего на два дня, минимум участников, с правительством Мальты никаких проблем – оно будет радо оказать гостеприимство, которое может «войти в «историю».[x]

Горбачева эта формула и такая «символика» устраивали, хотя они и с американским акцентом. Он вообще не любил парадности и официальщины. А к скорейшей встрече с наследником Рейгана он стремился не меньше, чем Буш. Причем рассчитывал быстро найти с ним общий язык. Оба высоко ценили (и при случае напоминали друг другу шутя) свой очень интриговавший прессу «разговор в автомобиле» в 87 году в Вашингтоне. Тогда, прощаясь, Буш, еще вице–президент, сказал примерно так: можете ко мне обращаться в любой момент по любому вопросу американо–советских отношений. Я постараюсь сделать все, что смогу!

---

[x] *Это, между прочим, вызвало бурную негодующую реакцию Шеварднадзе, когда он узнал о письме уже в Москве: как это так? – он, министр, ведет на эту тему сложные переговоры с госсекретарем, а тут – пожалуйста тебе! – через его голову, напрямую, по самому верху, по проблеме «исключительной компетенции» МИДа!*

[x] *Придумано было с многообразным смыслом: на море – обе великие морские державы (пусть и не равновеликие!), напоминание о великой истории (Рузвельт и Черчилль во время войны предпочитали встречаться на кораблях), корабли военные, символизирующие вооруженную мощь участников, о которой придется на встрече говорить; в нейтральном государстве – Мальта в блоки не входит; поочередно то на одной, то на другой «национальной территории», никто не ущемлен; без церемоний и подписания документов – значит, чтобы откровенно без дипломатических ужимок и экивоков поговорить лицом к лицу, посмотреть друг другу в глаза.*

Даты были согласованы с учетом того, что у Горбачева на конец ноября был намечен официальный визит в Италию и в Ватикан. (Кстати, визит прошел в атмосфере невероятной массовой эйфории, где бы Горбачев ни появлялся).

1 декабря вечером мы прилетели из Милана в Валетту.

Встречало едва ли не все население главного острова. Президент и премьер во дворце Республики устроили торжественный прием… Но погода явно обещала испортиться. К счастью, Горбачев загодя на этот счет обеспокоился: еще в Москве распорядился подогнать к берегам Мальты не только крейсер «Славу», но и огромный пассажирский теплоход «Максим Горький», курсировавший в Средиземном море. Он должен был выполнять роль гостиницы для делегации и сопровождающих – по удачному прецеденту с подобным кораблем «Георг Отс» в Рейкьявике. Попрощавшись с мальтийскими хозяевами, мы сразу же направились туда, на весьма комфортабельный «борт».

Проснулись мы под рев и грохот мощного шторма. В иллюминатор было видно, как стоявший неподалеку наш ракетоносец «Слава» и – чуть поодаль – американский крейсер «Белкнап» кидало из стороны в сторону как утлые суденышки.[x] О переговорах там не могло быть и речи. Горбачев позвонил Бушу и предложил проводить всю встречу на теплоходе, который стоял прочно пришвартованный к пирсу. Его тоже качало, но не настолько, чтобы, идя между каютами, хвататься за стенки.

Джордж Буш, служивший во время мировой войны в морской авиации, не счет возможным подвергать «сухопутного» Горбачева опасности «прыгать» с крейсера на крейсер и обратно. Согласился. И сам оба дня ловко проделывал эту операцию. Мы не без восхищения наблюдали, как президент сверхдержавы ловко и быстро скользил по трапу в катер, как катер, то пропадая за гребнем волны, то возникая вновь, приближался к «Максиму Горькому», и Буш спортивно вбегал на палубу. Обратно – таким же образом!

Команду доставили отдельно и не так лихо, с бóльшими предосторожностями. В команду входили: Джеймс Бейкер, Брент Скоукрофт, Джон Сунуну – руководитель аппарата Белого дома, Денис Росс, руководитель штаба планирования политики в госдепе, Боб Блэквилл, специальный помощник президента по делам Европы, Бойден Грейс, советник в аппарате Белого Дома.

Команда Горбачева: Эдуард Шеварднадзе – член Политбюро, мининдел, Александр Яковлев – член Политбюро, секретарь ЦК, Анатолий Черняев – помощник Генсека по международным вопросам, маршал Сергей Ахромеев – советник Генсека по военным делам, Александр Бессмертных, Анатолий Добрынин – бывший посол в США, советник Генсека.

Собрались обе «команды» в подготовленной капитаном «Максима Горького» комнате – размером не больше, как мне показалось, 20 квадратных метров. Знакомимся, шутим насчет шторма, необычности обстоятельств встречи и т.п. Джордж Буш вдруг извиняется и просит «отпустить» его и Горбачева на несколько минут поговорить один–на один. Горбачев делает мне знак. Удаляемся в соседнюю каюту, более просторную и светлую, с мягкими креслами. Буша сопровождает Скоукрофт.

Президент и Генсек уселись вполоборота друг к другу (так были привинчены кресла) перед маленьким металлическим круглым столиком. Переводчики – за каждым из них. Мы с генералом поодаль на табуретках.

С первых слов стало ясно, что конфиденциальность нужна была, чтобы высказать претензии по ситуации в Центральной Америке.[x] Но Горбачев перехватил у него инициативу и сам заговорил о Кубе. Он недавно там был и, вернувшись в Москву, написал Бушу письмо. Но только теперь он сообщил ему, что Кастро намекнул на желательность содействия Горбачева в нормализации отношений с США. «Я готов помочь, – закончил Горбачев, –но решать вам».

---

[x] *Капитан «Белкнапа» позже говорил, что за всю свою службу он не видел, чтобы во время шторма волны в бухте! достигали такой высоты – 20 футов (около 7 метров).*

[x] *В это время еще продолжалась гражданская война в Никарагуа, куда шло оружие обеим сторонам конфликта.*

– Хочу выложить, так сказать, на стол все карты по Центральной Америке и по Кубе, – резко отреагировал Буш. И продолжал (даю самое существенное):[x]

«Мы видим, что на фоне вашего движения вперед Кастро подобен якорю, который тормозит движение. Этот человек явно шагает не в ногу с теми процессами перемен, которые охватывают Советский Союз, Восточную Европу и наше полушарие. Демократические перемены чужды ему.

…Общественное мнение в США поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также Вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен. Но в глазах людей продолжение поддержки Фиделя Кастро сильно вредит Вам. Буду откровенен: это просто непонятно. Ведь он противостоит Вашему курсу».

– Что ж, это плюрализм мнений, – бросил реплику Горбачев.

– Было бы очень хорошо, если бы мы смогли найти способ, который позволил бы и вам прекратить эту чрезвычайно дорогостоящую и ничего не дающую для вас перекачку помощи. Эти миллиарды долларов вы могли бы использовать с большой выгодой для себя, а заодно снять серьезный раздражитель в советско–американских отношениях.

…Кастро застрял в каменном веке. Он даже не разрешает группе наблюдателей ООН посетить тюрьмы на Кубе. Многочисленные беженцы с Кубы создают у нас сильный эмоциональный настрой против него. Это тоже осложняет дело.

Горбачев спокойно выслушал эту филиппику и стал разъяснять президенту: он, мол, плохо представляет наши отношения с Кастро. Отношения с Кубой у нас сложились «на определенном этапе истории», кстати, «в условиях экономической блокады». Да, мы продаем Кубе товары по заниженным ценам. Но и импортом с Кубы мы удовлетворяем свои потребности в ряде очень важных для нас продуктах. Сейчас взяли курс на то, чтобы постепенно освободить экономические связи с нею от таких преференций.

А что касается политики, то нельзя забывать, что Куба – независимая страна со своим правительством, своими амбициями, своим пониманием вещей. Кастро отнюдь не является нашей марионеткой. И мы не собираемся учить Кубу. Пусть поступают как хотят.

Буш обещал посоветоваться со Скоукрофтом и другими, как поступить. «И, может, что–то сделаем, – пообещал он, – но при этом было бы полезно, чтобы кубинцы предприняли какие–то шаги в области прав человека по примеру Советского Союза».

Перешли к другим вопросам.

Никарагуа. Признали, что оружие поставляется не только с советской стороны. Согласились, что выход из гражданской войны – свободные выборы, любые результаты которых «США готовы признать».

Буш посетовал на критику в СССР его действий по захвату президента Панамы Норьеги, обвиненного в контрабанде наркотиков.

Горбачев поставил вопрос более широко и «в принципе», напомнив о вооруженном вмешательстве США не только в Панаме. «Разве для США, их президента не является барьером то, что речь идет о независимых странах? Почему США вершат суд, выносят приговор и сами его выполняют?».

Особенно задело Буша упоминание Горбачевым в этом контексте Филиппин. Он выразил «удивление»: там ведь была попытка свергнуть законно избранное правительство президента Акино. Она попросила помощи. Мы (США) оказали эту помощь: «Почему у Советского Союза это вызывает вопросы?»

– Знаете, насмешливо реагировал Горбачев, начинают поговаривать, что на смену «доктрине Брежнева» появляется «доктрина Буша». …Ведь посмотрите: в Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И

[x] *Все ссылки – по записям, сделанным переводчиком и автором статьи.*

возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто–то попросит Советский Союз вмешаться, то как нам действовать? Так же – как действует президент Буш?

– Понятно.

Это «понятно!» американского президента прозвучало очень выразительно.

Горбачев решил сгладить остроту. Важно, мол, чтобы бурные перемены, которые сейчас развернулись повсеместно, проходили мирно…

– Это благодаря вам, мистер Горбачев, они происходят мирно, – парировал Буш.

– …И если мы не будем вмешиваться… …Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть. Ведь такие полковнички (которые захотят свергнуть правительство) и такие люди (которые будут просить защитить их) могут найтись в любой стране…

Буш все–таки попросил не критиковать его за акции, подобные филиппинским: ведь президент Акино за демократию, ей удалось скинуть диктатора Маркоса…

Перешли к событиям **в Восточной Европе.**

Поднял вопрос Горбачев и сразу попал впросак, заявив, что «некоторые американские политики мыслят преодоление раскола Европы на «западных ценностях» и рассчитывают на «экспорт американских ценностей».

Любопытная дискуссия на эту тему произошла, когда встретились делегации. Об этом – позже. Буш пока не реагировал и выслушал внимательно мнение Горбачева по «германскому вопросу».[x]

– Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неответственно: эксплуатирует тему воссоединения в предвыборных (в бундестаг) целях», – начал Горбачев. Это что же будет – единая Германия? Будет ли она нейтральной, не принадлежащей к военно–политическим союзам, или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то, и другое было бы преждевременно сейчас обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его искусственно подталкивать.

Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история. Пусть же история распорядится этим вопросом и в будущем. Мне кажется, у нас с вами есть на этот счет взаимопонимание.

Буш оправдывал Коля, ссылаясь на «естественные эмоции». Позицию свою не проявил, дважды напомнил (о чем, мол, Горбачев и сам знает), что его, Буша, союзники по НАТО, «на словах выступая в поддержку воссоединения, встревожены этой перспективой».

Последовал такой диалог:

ГОРБАЧЕВ. В отличие от ваших союзников и Вас я говорю открыто: есть два германских государства, так распорядилась история. И пусть история же распорядится, как будет протекать процесс и к чему он приведет в контексте новой Европы и нового мира.

…В общем, это тот вопрос, где мы должны действовать максимально внимательно, с тем чтобы не был нанесен удар по переменам, которые сейчас начались.

БУШ. Согласен. Мы не пойдем на какие–либо опрометчивые действия, не будем пытаться ускорить решение вопроса о воссоединении…И в то же время им приходится думать о том времени, когда понятия ФРГ и ГДР уйдут в историю. Я в этом вопросе буду действовать осторожно. И пусть наши демократы обвиняют меня в робости. Я не собираюсь прыгать на стену,[x] потому что слишком многое здесь поставлено на карту…

Я не буду поддаваться соблазну действий, которые выглядят красиво, но могут иметь опасные последствия.

ГОРБАЧЕВ. Правильно. Ведь время, в которое мы живем, не только многообещающее, но и очень ответственное.

---

[x] *Встреча происходила менее чем два месяца спустя после падения «Берлинской стены» и месяц после того, как канцлер Коль выступил в бундестаге со своими знаменитыми «10–тью пунктами», фактически предложив ускоренное превращение ГДР и ФРГ в «конфедерацию».*

[x] *Имеется в виду «Берлинская стена». Намек на то, что проделал президент Рейган, посетив Берлин.*

Такая покладистость Буша объясняется не только тем, что он не хотел провоцировать Горбачева на какие–то ответные действия в случае американского вмешательства. По нашим данным (и Горбачев был с этим согласен), в тот момент американцы еще не определились, выгодно ли им или нет возникновение единой Германии, особенно учитывая упомянутую выше позицию союзников по НАТО (Англии, Франции, Италии…).

Лишь когда – по внутригерманским причинам – процесс объединения набрал полную скорость и необратимость, администрация сочла за благо энергично поддержать Коля, рассчитывая получить в лице объединенной Германии не только лояльного (так было и до того), но **благодарного** мощного союзника, оттянув на себя от СССР значительную долю этих немецких чувств. Одновременно, настаивая на включении единой Германии в НАТО, американцы хотели держать ее в тугих дружеских объятьях, исключив для нее соблазн обзавестись собственным ядерным оружием. Об этом и Бейкер, и Буш позже откровенно говорили Горбачеву, убеждая его согласиться на вхождение Германии в НАТО.

Афганистан и Прибалтику договорились обсудить потом: и так уже «несколько минут», на которые они покинули делегации, перевалили за полтора часа!

Вернулись в каюту, предназначенную для переговоров. Делегации лицом к лицу за узеньким длинным столом – так, что, если положить локти на стол, коснешься локтей визави. Главы посредине, тоже друг против друга.

Горбачев как «принимающая сторона» произнес приветственную речь. Подчеркнул значение подобных встреч в такой момент!, на таком «бурном и ответственном этапе мирового развития». Похвалил Буша за инициативу.

Отвечая, Буш разделил инициативу пополам и сразу же обозначил переломный характер встречи. «Когда по пути из Парижа в Вашингтон летом этого года, – сказал он, – я редактировал в самолете проект моего письма к Вам по вопросу об этой встрече, я отдавал себе отчет, что меняю свою прежнюю позицию на 180º. Это изменение в нашем подходе нашло понимание у американского народа».

Тут же попросил начать обмен мнениями первым.

Не случайно. Бейкер в упомянутой книге вспоминает: готовясь дома к Мальте, они учитывали опыт Рейкьявика – Горбачев тогда, захватив инициативу, держал ее с начала до конца. Поэтому подготовили двадцать, как он пишет, «инициатив» (т.е. предложений), чтобы сразу их выложить перед Горбачевым как основу для дальнейших рассуждений.

Первым пунктом («инициативой») было – отношение к перестройке. Буш произнес слова, знаменательные для наследника «крестового похода» против СССР, лидера Соединенных Штатов и НАТО: «Мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время тому назад в США было много сомневающихся на этот счет. …Но можно со всей определенностью говорить, что серьезные, думающие люди в США подобных взглядов не поддерживают.

На эти изменения в умонастроениях у нас воздействуют перемены в Восточной Европе, весь процесс перестройки. Конечно, среди аналитиков и экспертов есть различные точки зрения. Но Вы можете быть уверены в том, что имеете дело с администрацией США, а также с Конгрессом, которые хотят, чтобы ваши преобразования увенчались успехом».

Затем Буш пошел по конкретным пунктам.

Об официальном визите Генсека в Вашингтон: договорились на июнь 1990 года. О графике регулярных встреч министров иностранных дел.

Об экономических отношениях: администрация предпримет шаги, с тем чтобы была приостановлена «поправка Джексона–Вэника», закрывающая предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования. Готова будет к заключению нового торгового договора, как только СССР примет закон «о въезде и выезде». Будет добиваться отмены поправок «Стивенсона и Бэрда», запрещавших предоставление кредитов Советскому Союзу. Отказывается от возражений против принятия СССР в ГАТТ (пока в качестве наблюдателя). Здесь же, в ходе этой встречи, будет передан советской делегации документ, содержащий

соображения относительно «ряда серьезных проектов в области финансов, статистики, функционирования рынка и т.д.».

Уже создана, отметил президент, советско–американская рабочая группа по проблемам инвестиций, и США будет приветствовать, если она быстро договорится «о гарантиях капиталовложений».

Свой «экономический пакет» Буш сопроводил примечательным комментарием.

«Эти меры отнюдь не направлены на то, чтобы продемонстрировать американское превосходство… Мы стремились составить наши предложения таким образом, чтобы не создавалось впечатления, будто Америка «спасает» Советский Союз. Мы говорим не о программе помощи, а о программе сотрудничества».

Читатель может обратить внимание, как «опустилась» тональность и стиль обращения с нашей страной за десяток лет.

Права человека. Буш поставил этот вопрос очень миролюбиво: предложил договориться, чтобы все вопросы разъединенных семей были решены к приезду Горбачева в Вашингтон. Бейкер вручил список «еще» из 20 фамилий.

Региональные проблемы. Буш говорил в том же духе, что и во время беседы один–на–один. Передал просьбу некоторых латиноамериканских президентов надавить через Горбачева на Кастро, чтобы он прекратил «экспорт революции» и поставки оружия. Предложил совместно, вдвоем, обратиться к сандинистам с призывом провести свободные выборы в Никарагуа. Повторил свою просьбу дать из Москвы сигнал Кастро, что «не будет все по–прежнему».

Вопросы разоружения. Начал Буш с химического оружия. Предложил к приезду Горбачева в Вашингтон подготовить (и там подписать) договор о сокращении имеющихся запасов на 20%, а спустя 8 лет после заключения международной конвенции – до 2%.

Горбачев согласился, подчеркнув особо, что США отказываются «в этом контексте» от производства бинарного оружия и поддерживают меры по нераспространению химического оружия.

Обычные вооружения. Об их сокращении в Европе переговоры шли много лет, но при Горбачеве ускорились. Буш предложил «поработать» со всеми европейскими государствами, чтобы к исходу 1990 года подписать общеевропейское соглашение. Горбачев ответил одной фразой: «Наши подходы тут совпали».[x]

По СНВ (тяжелое ядерное оружие). Буш и по этому вопросу предложил завершить переговоры в Женеве к визиту Горбачева в США и подписать там договор. При этом он сообщил, что США снимают прежнее свое условие – о запрете советских МБР (мобильных баллистических ракет). Попросил не модернизировать самые мощные наши межконтинентальные ракеты СС–18. Горбачев в ответ напомнил об огромном преимуществе американцев в КРМБ (крылатые ракеты морского базирования), за которые их переговорщики яростно держались в Женеве.

Буш, далее, выразил готовность подписать в Вашингтоне протокол о подземных ядерных взрывах.

Попросил Горбачева решить вопрос публикации реальных данных о советском военном бюджете – «с целью укрепления взаимного доверия». Между прочим, задолго до Мальты, Горбачев не раз ставил этот вопрос на Политбюро: надо снять нелепость, над которой потешалась западная пропаганда, – как это Советам удается держать равенство своих вооруженных сил с американскими, имея военный бюджет в пять раз меньше, чем США!?

Буш информировал о работе, которая по поручению администрации ведется по экологическим проблемам, и пригласил Горбачева действовать «вместе», имея в виду глобальный характер проблемы.

---

[x] *Напомню: в ноябре 1990 г. во время Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Париже такое соглашение было подписано 23 странами Европы.*

В заключение предложил довести обмен студентами в 1990–91 годах до 1000 с каждой из сторон. От участия молодежи, подчеркнул он, «многое зависит в развитии нашего взаимодействия».

Так выглядели «инициативы» Соединенных Штатов, привезенные на Мальту.

Для всех нас, включая Горбачева, они явились, надо признаться, неожиданностью. Особое впечатление произвело то, что это была не просто декларация о стремлении изменить к лучшему отношения с СССР. Это была совершенно конкретная – по пунктам и проблемам – программа.

Горбачеву с ходу пришлось менять акценты и вносить коррективы в содержание своей ответной речи, основные идеи которой продумывались, конечно, еще в Москве.

Начал он с несколько торжественной констатации: то, что мы услышали, означает, что **«администрация президента Джорджа Буша определила свою политическую линию на американско–советском направлении».**

Потом высказал «ряд замечаний общего философского плана». Вот основные:

Опыт «холодной войны» требует изменения подходов к мировой политике. Ставка на силу, на военное превосходство и связанная с этим гонка вооружений себя не оправдали.

Не оправдала себя и ставка на конфронтацию по идеологическим причинам, в результате чего мы только и занимались тем, что ругали друг друга. Подошли к опасной черте. И хорошо, что сумели остановиться. В стратегическом плане методы «холодной войны» и конфронтации потерпели поражение».

Проблемы экологии приобрели такой масштаб, что встал вопрос о выживании человечества.

«В американских политических кругах настойчиво выдвигается тезис, – продолжал Горбачев, – Советский Союз, мол, начал свою перестройку, меняет курс под влиянием политики «холодной войны». Говорят, что в Восточной Европе все рушится, и это тоже, мол, подтверждает правоту тех, кто делал ставку на методы «холодной войны». А раз так, то и менять в политике ничего не надо. Надо наращивать силовое давление и готовить побольше корзин, чтобы собирать плоды. Это очень опасное заблуждение.

Я обнаружил, что Вы видите все это. Знаю, что Вам приходится выслушивать представителей различных кругов. Однако Ваши публичные заявления и конкретные предложения, с которыми Вы выступили сегодня, означают, что у президента Буша сложилось определенное представление о мире, и оно адекватно вызовам времени. Это очень важно».

Затем Горбачев охарактеризовал «крупную перегруппировку сил» в мире. Обозначил роль интегрированной Западной Европы, Японии, Китая («это – крупнейшая реальность, которую ни мы, ни вы не должны эксплуатировать друг против друга»), Индии, Восточной Европы в новом ее качестве, новых мощных экономических процессов, меняющих весь образ жизни людей и наций.

Перед лицом всех этих перемен, заявил Горбачев, «США и СССР просто обречены на диалог, взаимодействие, на сотрудничество. Иного не дано. **Но для этого надо избавиться от взгляда друг на друга как на врагов».**

При этих словах Буш встал и протянул через стол руку Горбачеву. Момент, надо сказать, волнующий: в самом деле – две сверхдержавы, 45 лет державшие весь мир в напряжении конфронтацией друг с другом, отказались считать себя противниками.

Позвали фотографа. Генсек и президент повторили «позу». Снимок этот обошел все газеты мира.

Горбачев вернулся к этой теме и на второй день встречи, еще четче выразил свою позицию. «Новый президент США должен знать, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не начнет войну. Это настолько важно, что я хотел лично повторить это Вам. Более того, СССР готов больше не считать США своим противником и публично заявить об этом. Мы открыты для сотрудничества с Америкой, включая сотрудничество в военной области. Это первое.

Второй момент. Мы за то, чтобы совместными усилиями обеспечить взаимную безопасность. Советское руководство привержено продолжению процесса разоружения по всем направлениям. Считаем необходимым и срочным выйти за пределы гонки вооружений и предотвратить создание новых экзотических видов вооружений».

Продолжая реагировать на «инициативы», Горбачев говорил:

«Все это не означает, что мы предлагаем советско–американский кондоминиум. Речь идет о реальностях. И это вовсе не ставит под сомнение союзнические связи, сложившееся сотрудничество с другими странами.

Вы ставили вопрос: какой Советский Союз выгоден США – динамичный, прочный, стабильный или наоборот. Я в курсе советов, которые Вам дают. Что касается нас, то мы заинтересованы в том, чтобы США с точки зрения решения своих задач национальной безопасности и прогресса чувствовали себя уверенно. Я считаю, что другой подход опасен. Ставка на игнорирование интересов США в мире – опасная политика.

Но и США должны считаться с интересами других стран. Между тем есть еще желание учить, давить, наступать на горло. Это еще есть. Мы все это знаем».

На это Буш среагировал сразу. Напомнил о своей сдержанной реакции на падение Берлинской стены, подтвердил, что не намерен эксплуатировать – ни политически, ни пропагандистски – события в Восточной Европе в ущерб Советскому Союзу.

– Это мы видим и оценили, – бросил реплику Горбачев.

Горбачев «прошелся» по всем конкретным «инициативам», изложенным во вступительной речи Буша, выразил удовлетворение ею, но и отметил: это только еще «планы», за которыми мы ждем конкретный действий, а со своей стороны будем идти навстречу и создавать у себя условия для их успеха. Он подробно и откровенно рассказал о том, как идет перестройка, на какие трудности и проблемы, особенно в сфере экономики, она наталкивается.

Шумным оживлением закончился первый раунд встречи на Мальте. Горбачев пригласил всех на ланч.

Не сказать о том, что там было, на ланче, – значило бы оставить всю встречу на Мальте без одной важной характеристики.

Под впечатлением открытости, с какой Горбачев рассказал о перестройке, американцы, отложив ножи и вилки, бросились «учить», как лучше и быстрее осуществить реформу экономики. Особенно горяч был – в несвойственной ему обычно манере – Бейкер, бывший министр финансов, экономист и юрист по образованию. Сыпали примерами из собственного опыта, из европейского. Убеждали, что надо быстрее решать вопрос с ценами («Вы уже опоздали!»), открывать простор реальному рынку, налаживать банковскую, налоговую систему и т.п. Горбачев отбивался, доказывая им, что рынок по–американски и рынок по–русски – это все–таки «две большие разницы», с учетом того, откуда и куда мы идем, и какая мы страна, что мы испытали за XX век… Американцы продолжали ему разъяснять «абсолютные» законы рынка…

Я смотрел на эту дружескую (!) перепалку в полном ошеломлении: представители «американского империализма» искренне (у меня не было в этом ни малейшего сомнения!) хотят, чтобы у нас наладилась и пошла экономика, чтобы мы быстрее справились с трудностями и т.д.

Закрыв глаза и затыкая уши, когда звучала английская речь, можно было подумать, что присутствуешь на Политбюро ЦК КПСС, где все озабочены судьбой страны, спорят, убеждают друг друга, доказывают свою правоту и т.п.

Как жаль, что на этом ланче не было «других» членов Политбюро и разных прочих наших «патриотов», которые ни до того, ни потом так и не научились воспринимать западных деятелей, подобных Рейгану, Бушу, Шульцу, Бейкеру, Колю, Тэтчер и т.д., и т.д., как нормальных здравомыслящих людей, по–человечески совсем не плохих, хотя они и оставались политиками своей страны.

Вечером Горбачев устроил «товарищеский ужин» в ресторане теплохода для всех многочисленных сопровождающих – ученых, журналистов, экспертов и персонала всяких служб. Это у него вошло в обычай – с самого первого его крупного заграничного визита (в Женеву для первой встречи с Рейганом). Как правило, на таких собраниях за вином развязывались жаркие дискуссии по самым неожиданным темам. На этот раз – в атмосфере происходящего на этом корабле, которую все ощущали, даже не зная «подробностей», – разгорелся спор о 1968 годе, об интервенции в Чехословакии. И увы! обнаружилось, что спустя 20 лет не все «шестидесятники» (а среди сопровождающих–интеллигентов были, разумеется, только такие) отнюдь не все готовы были раскаяться в содеянном.

Второй день встречи проходил опять на борту «Максима Горького», хотя очередь была за Горбачевым переместиться на «американскую территорию». Шторм немного утих, но сочли, что недостаточно. Президенту опять пришлось «прыгать» с корабля на корабль.

Встречая Буша, Горбачев пошутил: «Как бы там ни было, сегодня я ваш гость».

Буш не остался в долгу: «А мне понравился «мой корабль»!

Переговоры начались с выражения взаимной удовлетворенности первым днем встречи.

Буш поставил вопрос – что будем сообщать прессе по итогам? Горбачев предложил провести совместную пресс–конференцию тут же на борту. Сейчас это кажется естественным. Но тогда!.. Ни один американский президент (ни даже госсекретарь) ни разу еще не позволял себе подобного «акта доверия» в отношении советских деятелей. Буш поколебался, но согласился, добавив, что «потом он отдельно ответит на вопросы своих журналистов». На том и порешили.[x] Символический прецедент состоялся сразу по окончании встречи.

Горбачев начал с характеристики новой, советской «оборонительной доктрины», составленной в неконфронтационном духе. Первые шаги по ее реализации уже сделаны. Однако он, Горбачев, не увидел в недавней Брюссельской декларации никаких подвижек в стратегической доктрине НАТО, принятой 20 лет назад… И это несмотря на то, что уже осуществляется Договор об РСМД.[xx] Высказал недоумение отказом США включать в переговоры о стратегическом ядерном оружии (СНВ) «один из трех его компонентов – военно–морские силы». С конца 50–х годов СССР буквально окольцован сетью военных баз, заявил Горбачев, и передал президенту карту, где обозначены пункты этого «военного окружения СССР» (по данным советской разведки).

Буш принял вызов. Обещал проверить данные, обозначенные на карте.[xxx]

Договорились о том, чтобы министры и эксперты проработали все вопросы взаимосвязи между будущим договором об СНВ и Договором по ПРО 1972 года, развязали узлы в правилах зачета тяжелых бомбардировщиков и стратегических ракет воздушного базирования, сбалансировали числа боеголовок, которые может нести на борту каждый самолет, поразмышляли о проблемах тактического ядерного оружия.

Подробно обсуждались исходные позиции для подготовки Договора о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Назывались цифры. Горбачев предложил сократить по миллиону из личного состава с каждой стороны, а численность войск на иностранной территории ограничить планкой – 300.000.

Договорились поручить военным встречаться возможно чаще, чтобы совместно, регулярно и компетентно отслеживать процессы поддержания обоюдной безопасности.

Суммируя, Горбачев заявил: «Хочу еще раз со всей силой подчеркнуть: мы настроены на мирные отношения с США. И именно исходя из этой предпосылки, предлагаем трансформировать нынешнее военное противостояние. Это – самое главное. Ведь, как

---

[x] Горбачев поступил так же.

[xx] Подписан в Вашингтоне при Рейгане в 1987 году – первый договор уже не о контроле за ядерным оружием, а о ликвидации целого класса такого оружия – ядерных ракет среднего и меньшего радиуса действия.

[xxx] Встретившись с Горбачевым в Лондоне летом 1991 года (по случаю заседания «большой семерки»), Буш, смеясь, подтвердил «правильность карты» и похвалил советскую разведку.

принято говорить, один раз в пять лет ружье само стреляет. Чем меньше оружия, тем меньше возможность случайной катастрофы. При этом безопасность США, американских союзников ни на миллиметр не должна быть меньше нашей собственной безопасности».

В общем, можно так подытожить военную тему: на Мальте был сделан прорыв к фронтальному сокращению ядерного и химического оружия. Когда в январе 1986 года Горбачев выступил со своим Заявлением о ликвидации ядерного оружия к 2000 году, одни не поверили, другие посмеивались: молодой Генсек оригинальничает!, третьи сочли это очередным пропагандистским трюком Кремля… И вот минул этот год. Ядерное оружие продолжает существовать. Но «процесс пошел», этот монстр, который мог сорваться с цепи, даже если никто преднамеренно его с цепи не спустил бы, все быстрее и необратимее уменьшается в размерах. Угроза мировой ядерной войны снята. Одновременно были созданы предпосылки для исключения навсегда «большой войны» в Европе с применением обычного оружия. Велика во всем этом заслуга Горбачева. Его «новое мышление» доказало в этом решающем для человечества пункте – в вопросе о войне и мире – свою востребованность и убедительный реализм.

Состоялся «концептуальный разговор» по европейским делам.

«Мы были потрясены стремительностью разворачивающихся перемен в Восточной Европе», – начал Буш. – И не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы провокационной».

Но попросил Горбачева высказаться по поводу «возможности движения за пределы статус–кво» (т.е. о незыблемости границ в Европе, санкционированных Хельсинкским актом 1975 года).

Горбачев отвечал пространно. Подтвердил необходимость и целесообразность «вовлеченности» США в европейский процесс. «По–другому смотреть на роль США в Старом свете – нереально, ошибочно, наконец, неконструктивно. Это Вы должны знать, это наша фундаментальная позиция».

Подчеркнул значение и позитивный характер европейской интеграции, в том числе, в масштабах всего континента. Напомнил о своей идее «общеевропейского дома» и посоветовал Шеварднадзе и Бейкеру поглубже разобраться в его проблематике и перспективах.

С учетом огромности и бурного характера перемен как в Восточной, так и в Западной части Европы высказался за созыв в ближайшее время «Хельсинки–2».

Поскольку НАТО и ОВД – институты «холодной войны», Горбачев предложил вместе подумать об их реконструкции, освобождении от конфронтационной природы, о превращении их в преимущественно политические организации.

И вот тут он вернулся к вопросу о том, на базе каких ценностей преодолевать раскол Европы. Упрекнул собеседников в том, что они склонны навязывать этому процессу «западные ценности». Если, мол, так пойдет, это может стать серьезным препятствием для советско–американского сотрудничества в европейских делах, тем более, что процессы здесь могут пойти «далеко небезболезненно, приобретать непредсказуемую остроту» – ведь они «затрагивают, – подчеркнул он, – фундаментальные вещи, втягивают миллионы людей, целые народы с разной историей, культурой, религией, национальными особенностями».

Буш согласился с такой оценкой, но попросил разъяснить, почему Горбачев «озабочен западными ценностями» и чем они отличаются от «общечеловеческих», к которым Горбачев вроде привержен.

Развернулась бурная (и я бы сказал сумбурная) дискуссия. Горбачев настаивал на «свободе выбора» – американцы соглашались. Он за плюрализм, за свободу мысли и слова – это и наша точка зрения, отвечали американцы. Осуждал «вмешательство в чужие дела» – американцы тоже за это «в принципе». Яковлев поставил под сомнение правомерность термина «западные»: тогда, мол, надо признать «восточные», «южные» и т.п. ценности.

Шеварднадзе, что называется, перешел «на личности», обвинив собеседников в том, что в их среде ходит точка зрения, будто перемены в СССР – результат западной политики с позиции силы.

Буш решил охладить пыл: «Давайте избегать неосторожных слов и больше говорить о содержании ценностей». Горбачев подхватил брошенный мяч: «Мы начинаем органически интегрироваться, освобождаясь от всего, что нас разделяло. А как это будет называться в конечном счете?.. Давайте не будем вести дискуссию на церковном уровне!»…

Бейкер забил последний гвоздь: «Может быть в порядке компромисса лучше говорить, что позитивный процесс идет на основе **демократических ценностей?».**

Все согласились, ко всеобщему удовлетворению. На том и закончилась, кажется, последняя на высшем уровне идеологическая «схватка» с «американским империализмом»…

Оставались еще **региональные проблемы** (помимо Центрально–американских, которые США не считала «региональными» в том смысле, что ими могут заниматься и другие державы!).

Сначала – **Ближний Восток.** Буш сообщил, что его администрация отошла от безоговорочного одобрения израильской политики. «Уверен, – добавил он, – что Вы обратили внимание на то, что наша политика на Ближнем Востоке развернулась в сторону взаимодействия с Советским Союзом». Высказался за скорейшее восстановление дипломатических отношений СССР с Израилем. Горбачев сказал, что тут уже нет проблемы. Главные – посадить Израиль за один стол с арабами. И надо спешить. Одобрил начавшиеся консультации по этому вопросу между Шеварднадзе и Бейкером.

Порешили ускорить поиск пути «к стимулированию мирного урегулирования» на Ближнем Востоке.

Словом, на Мальте была выработана процедура, которая в конце концов привела к Международной конференции по Ближнему Востоку (октябрь 1991 года). Президенты США и СССР были там сопредседателями. Там начался реальный (хотя и очень сложный, не без срывов) мирный процесс ближневосточного урегулирования.

Последней была проблема **Афганистана**. Советских войск уже не было в этой стране, но пылала еще более жестокая гражданская межплеменная война. Судьба Наджибуллы, возможности формирования коалиционного правительства и проведения международной конференции под эгидой ООН, содержание переходного периода, поставки оружия… – все это обсуждалось в режиме перепалки, обвинений за прошлое, признаний, что прогнозы и тех и других неоднократно проваливались и т.п. Шеварднадзе даже позволил себе «пошуметь» на Бейкера, пользуясь тем, что после их встречи в Вайоминге летом 89 года между ними уже сложились дружеские отношения.

Ни к чему в общем–то не пришли. И это понятно: ситуация в Афганистане вышла из какого бы то ни было международного контроля. И остается таковой до сих пор.

Как видит читатель, на этой беспрецедентной по форме встрече лидеров двух сверхдержав основательно «прошлись» по всей «повестке дня» (любимый американский термин) их соприкосновения между собой и на международной арене. И по всем вопросам, кроме не зависящих от них, можно констатировать взаимопонимание и готовность действовать конструктивно, а где нужно – совместно.

Мальта открыла принципиально новый этап в отношениях между нашей страной и Америкой.

Был создан прецедент «политического на высшем уровне импульса» к развитию нормальных экономических отношений и даже сотрудничества в этой сфере.

Доверие – важнейший **новый** фактор мировой политики, проклюнувшийся еще при Рейгане, – заработал благодаря Мальте в полную силу. Возникновение его обязано не только личным качествам лидеров, их политической воле. Оно коренилось в появлении новых социально–политических и международных реальностей, которым противопоказана была конфронтация главных субъектов мировой политики и которые нуждались в сотрудничестве,

взаимодействии между ними, в доверии как политическом феномене международного характера. Если бы не Мальта, крупнейшие международные события того периода – объединение Германии и конфликт в Персидском заливе – могли бы спровоцировать конфронтацию почище Карибской 1961 года.

Отказ от идеологического подхода к внешней политике, провозглашенный в ООНовской речи Горбачева за год до этого, получил на Мальте практическое воплощение – в решающем звене мирового развития.

Мальта явилась провозвестником новых отношений между Западом и Востоком, обозначила перспективу движения к новой Европе, что подтвердилось спустя год принятием в Париже на Общеевропейском совещании Хартии для Европы от Ванкувера до Владивостока. Мальта продемонстрировала наличие потенциала продвижения к новому, мирному порядку во всем мире. «Мир покидает одну эпоху, эпоху холодной войны, и вступает в новую» (слова Горбачева). Встреча произошла в исторически «нужный» момент, когда процессы во многих государствах и в больших регионах мира созрели (и даже перезрели) для крупных перемен и ситуация могла взорваться. Можно себе представить, что могло случиться, если бы эти взрывы произошли в обстановки конфронтации сверхдержав!

Вместе с тем, Мальта показала и пределы их влияния на ход стихийных событий, контроля над ними. И это тоже поучительно.

Встреча на Мальте – повторю, с чего начал, – это и символ, это и по сути конец холодной войны.

В качестве иллюстрации – примечательный факт. Его приводит Raymond L.Gartholf в своей книге "The Great Transition", Washington DC. 1994 (p.408).

24 декабря госсекретарь Бейкер довел до сведения Москвы, что США не будут против, если СССР и его союзники по Варшавскому пакту вмешаются в Румынии, чтобы предотвратить кровавое развитие событий в связи с кризисом режима Чаушеску. Из Москвы, разумеется, ответили отказом.

Но примечателен сам факт такого предложения. Значит США уже не считали вмешательство СССР за пределами своей страны актом «холодной войны», значит они рассматривали такие действия как позитивный момент в меняющемся мире.

Какое еще доказательство требовалось, чтобы убедиться в том, что холодная война ушла в историю (хотя отголоски ее встречаются еще до сих пор)!

Поскольку статья эта написана в жанре мемуара, позволю себе завершить ее эпизодом, который, мне кажется, имеет не только личный оттенок.

Я попросил у Горбачева разрешения задержаться на 2–3 дня в Италии. Пригласила давняя подруга по журналу «Проблемы мира и социализма», где я работал в начале 60–х годов. Делегации, распрощавшись, отбывали в тот же вечер 3 декабря. А самолет из Валетты на Рим уходил только утром. За мной в порт должен был приехать наш посол на Мальте, чтобы забрать к себе до утра. Я спустился на пристань.

Оглянувшись на шум, заметил, что в 50 метрах от меня высаживаются с корабля на берег американцы. Эскорт машин уже выстроился. Через минуту–другую «кавалькада» лихо рванула вперед. И вдруг – страшный скрежет шин по асфальту. Президентский лимузин застыл прямо против меня, метрах в 10. Из машины вышел Джордж Буш и направился ко мне. Я сначала ничего не понял, очнулся лишь, когда он протянул мне руку. Несколько секунд рукопожатия, какие–то слова. Президент повернулся и пошел к машине. Еще раз уже через окно сделал мне прощальный знак.

Пусть читатель сам оценит, что бы это значило. Чтó я такое для Буша, чтоб так «дополнительно» попрощаться?! Я до сих пор до конца не пойму. В одном только уверен – это был не рекламный жест. Сделано искренне.